

Цѣна отд. № — 15 коп.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 5

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1913

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ — 6 руб. 50 коп.; на полгода — 3 руб. 25 коп.; на три мѣсяца — 1 руб. 75 коп.; на 1 мѣсяць — 60 коп.

Цѣна объявленій за строку нонпарели 60 коп.

4 ЮЛЯ.

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

Журналъ выходитъ подъ редакціей **Аркадія Аверченко**, при ближайшемъ участіи А. Радакова, Ре-Ми, А. Яковлева и А. Юнгера, а также всего состава прежнихъ сотрудниковъ.

ЗАКОННИКЪ.

Рис. Ре-Ми.

Горничная: — А что, дядя, не видѣлъ ты: не пробѣгаль тутъ сейчасъ солдатикъ... такой чернявый, съ рябинками?

Дворникъ: — Простите, сударыня, но по закону я не имѣю права сообщать свѣдѣній о передвиженіи войскъ!..

ЦЕННЫЙ ФОНД

Новосибирская

Областная научная

Библиотека

№ 8717109 / 7564

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Секта Шустовцевъ.

Профессоръ К. Линдемманъ рассказываетъ въ октябристской газетѣ о тѣхъ явно-кошунственныхъ доводахъ, которые приводились духовными обличителями во время диспута съ трезвенниками:

„Братцы, вамъ запрещаютъ даже каплю вина, а Спаситель Самъ пилъ вино: на свадьбѣ въ Канѣ Галилейской за недостаткомъ вина—превратилъ воду въ вино... Апостолъ Павелъ совѣтовалъ Тимофею мѣшать воду съ виномъ... Наконецъ при св. причастіи вамъ въ церкви даютъ вино... (?)“.

Можно подумать, что говорить это не миссіонеръ, а агентъ московскаго торговаго дома „Шустовъ“.

Стыдно!

350.

Намъ прислали книгу „Иванъ Федоровъ“.

Вотъ что писалъ триста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ первый русскій первопечатникъ о положеніи печати въ Россіи:

„Друкарня составила въ Москвѣ въ 1563 году. Мы подвержены были тамъ безпрестанно всякимъ озлобленіямъ, но не отъ самаго государя, а отъ многихъ начальниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ, которые изъ зависти умышляли на насъ многія ереси, намѣривались благо превратить во зло и погубить въ конецъ Божье дѣло. Такъ обыкновенно поступаютъ невѣжды, люди злонравные, неискусные въ разумѣ, ненавыкшіе грамматической хитрости, то-есть чуждые духовному разуму. Понапрасну все, пронесли они злое слово. Вотъ она зависть и ненависть сама себѣ невѣрующая, что дѣлаетъ и на семъ утверждается. Она выгнала насъ изъ земли нашей, изъ отечества и изъ рода нашего, она переслала насъ въ незнакомыя страны“.

Триста пятьдесятъ лѣтъ...

А, навѣрное, и въ то время сидѣлъ на скамьѣ какой-нибудь чеховскій Вершининъ, который мечталъ, что: — Черезъ триста лѣтъ жизнь наша будетъ прекрасна“...

Эхъ...

Дождались.

Запутанная исторія.

Члену Думы Рыслеу изъ редакціи газеты „Утро“, выходящей въ Владивостокѣ, телеграфируютъ, что эта газета оштрафована въ 200 руб. за статью „Приставъ спитъ“, помѣщенную, какъ говорится въ постановленіи, въ № 17 этой газеты. Самое любопытное во всемъ этомъ то, что указанной статьи въ № 17 газеты нѣтъ.

Давайте, господа, разберемся: если въ № 17 газеты статьи „Приставъ спитъ“ — нѣтъ, то приставъ, значитъ, оштрафовалъ ее съ просонья. Значитъ, онъ соня. Значитъ, газета имѣла право писать статью: „Приставъ спитъ“. Но газета ее не писала!

Какой же выводъ? Что газета, хотя и не писала упомянутой статьи, но написать ее можетъ, и приставъ не имѣетъ права газету оштрафовать... А если онъ оштрафуетъ — значитъ, онъ не только соня, а и еще что-то такое, что начинается на одну русскую букву и кончается на другую.

Рис. С. Чехонина.

Какъ они смѣются.

Изыщная литература изъ „Русскаго Знамени“ (они это называютъ „маленькимъ фельетономъ“).

Осточертѣлъ „кабакъ“...

Идейные скандалы, потасовки...

Эсецкій ражъ... кадетскія уловки...

Яйнеголовый „генераль-дуракъ“...

— Курьеръ! — на водку четвертакъ, —

Слетай спроси: вернулись ассигновки?..

— Прощай, Дуныша! — въ будущемъ году, Съ кобылей граціей играя поясницей, Вертись по коридору псицей, — Кого, слюняваго, потянешь въ поводу Ты за своей побѣдной колесницей?..

Звонюкъ... — Adieu, Петръ Длинный — вѣрный россъ!

— Папа Щекинъ! хлещи поменьше водки... —

Эй, толстомясыя трещотки, —

Скорѣй сюда! куда ихъ чортъ унесъ?!

Ну... въ щечку... трижды! Тоже — „патріотки“!

А Викторъ? — Тутъ! — Прощай, горбатый песъ...

Нѣтъ больше силъ зѣвать по кулуарамъ!

Пора домой... —

— Михаль-Владимірычъ — звони „отбой“!

Извощикъ!! — къ Палкину! — пропустимъ по одной,

Зажремъ ее омаромъ!..

Н. Полтавецъ.

Этому Полтавцу нужно не отъ строчки исчислять гонораръ, а отъ доски. Потому что писать такіе „стихи“ можно только на заборахъ.

Куликъ свое болото знаетъ.

Зельдбургскому сельско-хозяйственному обществу администраціей не разрѣшена публичная лекція о культурѣ болотъ...

Рис. С. Чехонина.

Не даромъ русская пословица гласитъ:

— Было бы болото, а запретители будутъ.

Русское сердце.

О екатеринославскомъ полицеймстерѣ Феличкинѣ (о томъ самомъ, котораго мы однажды хвалили за посылку къ черту председателя екатеринославскаго союза русск. нар.) — въ газетахъ сообщаютъ, что противъ него, Феличкина, возбуждено преслѣдованіе за растрату.

Эхъ, Феличкинъ, Феличкинъ! не выдержало твое русское сердце.

Эхъ, Феличкинъ, Феличкинъ. А сатириконицы такъ восхищались тобой...

Ау, Феличкинъ, прощай, братъ.

ТЯЖЕЛЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ!

Разсказъ Влад. Азова.

Я сижу въ тюрьмѣ. Завтра судъ. „Завтра казнь“. Раскаиваюсь ли я или не раскаиваюсь? Какое-то чувство шевелится на днѣ моей души, но скорѣе всего это не раскаяніе, а простая досада. Мой защитникъ, пом. прис. пов. Цыперовичъ, надѣется на оправданіе. Кто можетъ знать? Судъ присяжныхъ — это лотерея...

* * *

Я познакомился съ Адольфомъ Ивановичемъ прошлымъ лѣтомъ, въ ресторанѣ „Палермо“. Букинъ, — будь онъ проклятъ! — познакомилъ меня съ нимъ и пригласилъ его присѣсть къ нашему столу. Тотчасъ же между мною и Адольфомъ Ивановичемъ завязался діалогъ, который я передаю со стенографической точностью.

— Такъ вы — Азовъ. Знаю, Знаю! Я васъ давно знаю. Я читалъ вашу „Герань“.

— „Герань“ не я написалъ. Я стиховъ не пишу. „Герань“ написалъ Потемкинъ.

— Да что вы? А по-моему — вы. Тамъ даже напечатано на книжкѣ: „Влад. Азовъ“.

— Увѣряю васъ, что тамъ напечатано: „П. Потемкинъ“.

— А не Азовъ?

— Стало быть, нѣтъ!..

Адольфъ Ивановичъ пожевалъ своими толстыми, выпяченными губами, отхлебнулъ изъ кружки пива и продолжалъ:

— Я знаю этого Потемкина. Онъ такой маленькій?

— Да нѣтъ, что вы! Онъ длинный. Мы его называемъ коломенской верстой.

— Неужели? Онъ изъ тѣхъ Потемкиныхъ? Таврическихъ?

— Да вѣдь тотъ родъ давно прекратился.

— Да что вы? А я думалъ, онъ изъ тѣхъ.

— Не думайте.

— Тутъ на Съѣздинской магазинъ есть табачный. Это, вѣрно, его.

— Почему вы думаете?

— А тамъ написано на вывѣскѣ: „Потемкина“.

— Мало-ли! Это другого.

— Тоже музыканта?

— Какого музыканта? Этотъ поэтъ, а не музыкантъ.

— А какъ же мнѣ говорили, что онъ музыкантъ.

— Кто?

— Да Терещенко.

— Какой Терещенко?

— Да про котораго вы говорите, что это не его магазинъ...

Я расплатился, не доѣвъ моихъ раковъ, и ушелъ вмѣстѣ съ Букинымъ. На улицѣ я закатилъ Букину сцену.

— Какъ ты смѣлъ познакомить меня съ такимъ нуднымъ, съ такимъ тяжелымъ человѣкомъ?

— А что-жъ мнѣ одному страдать? — возразилъ Букинъ. — Помучайся и ты.

* * *

Знакомство мое съ Адольфомъ Ивановичемъ, къ сожалѣнію, не прекратилось.

Черезъ нѣсколько дней, когда я сидѣлъ на лавочкѣ въ Петергофѣ, на музыкѣ, онъ вынырнулъ откуда-то и подсѣлъ ко мнѣ.

— Я васъ вчера видѣлъ въ Луна-Паркѣ, — сказалъ онъ, поздоровавшись. — Съ кѣмъ это вы были?

— Съ Радаковымъ, — отвѣтилъ я.

— Ахъ, съ Радаковымъ! Знаю, Знаю! Скульпторъ.

— Да не скульпторъ онъ, а художникъ.

— А какъ же мнѣ говорили, что онъ скульпторъ?

— Не могли вамъ говорить. Очевидно, вы не поняли или не дослышали.

— Такъ онъ художникъ... да... да... Я даже видѣлъ какую-то его карикатуру въ „Современномъ мірѣ“.

— Не могли вы видѣть его карикатуръ въ „Современномъ мірѣ“. Во-первыхъ, онъ въ „Современномъ мірѣ“ не сотрудничаетъ, а во-вторыхъ, въ „Современномъ мірѣ“ не печатаютъ рисунковъ. Вы въ „Новомъ Сатириконѣ“ могли видѣть рисунки Радакова.

Рис. Миссъ.

— Нѣтъ, я въ „Современномъ мірѣ“ видѣлъ.

— Не можетъ этого быть.

— Почему же не можетъ? Я помню мнѣ еще пріятель одинъ сказалъ: «посмотри, въ „Современномъ мірѣ“ карикатуры Радакова. Очень смѣшныя». Я и купилъ у газетчика за 15 к. „Современный міръ“.

— Это вы „Новый Сатириконъ“ купили.

— Позвольте, вѣдь „Новый Сатириконъ“ политическій журналъ, толстый ежемѣсячникъ. Какъ же я могъ купить его за 15 копѣекъ?

— Это „Современный міръ“ толстый журналъ и ежемѣсячный, а „Новый Сатириконъ“ юмористическій и еженедѣльный. Вы все путаете.

— А мнѣ говорили, что „Новый Сатириконъ“ ежемѣсячный.

— Плюньте въ глаза тому, кто вамъ это сказалъ. А вѣрнѣе всего вамъ никто ничего не говорилъ.

— Право, сказали... только я не помню кто. Такъ, значить, „Новый Сатириконъ“ ежемѣсячный, толстый... Я вскочилъ и, не прощаясь, убѣжалъ.

* * *

Злой рокъ меня преслѣдовалъ. Не прошло и недѣли, какъ я встрѣтилъ Адольфа Ивановича на скачкахъ.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ. — Давно изъ Москвы?

— Я въ Москву не ѣздилъ, — отвѣтилъ я.

— Какъ не ѣздили? А мнѣ говорили, что вы въ Москвѣ. На бѣговое дерби попали?

— Да я же не былъ въ Москвѣ, — какъ же я могъ попасть?

— А мнѣ говорили, что вы были. Ну что, а какъ погода въ Москвѣ? Жарко, небось?

— Идите къ чорту!

* * *

Я сталъ ходить по Петербургу съ опаской. Разъ три мнѣ удалось улизнуть отъ Адольфа Ивановича, но въ воскресенье, когда я, ничто же сумняшея, усѣлся въ купѣ Финляндской жел. дор., намѣреваясь прокатиться на Иматру, влѣзаетъ въ то-же купѣ Адольфъ Ивановичъ.

— Здравствуйте! Вы одинъ или съ супругой?

— Съ какой супругой? Я не женатъ.

— Какъ не женаты? А мнѣ говорили, что вы женаты.

— Не же- натъ!

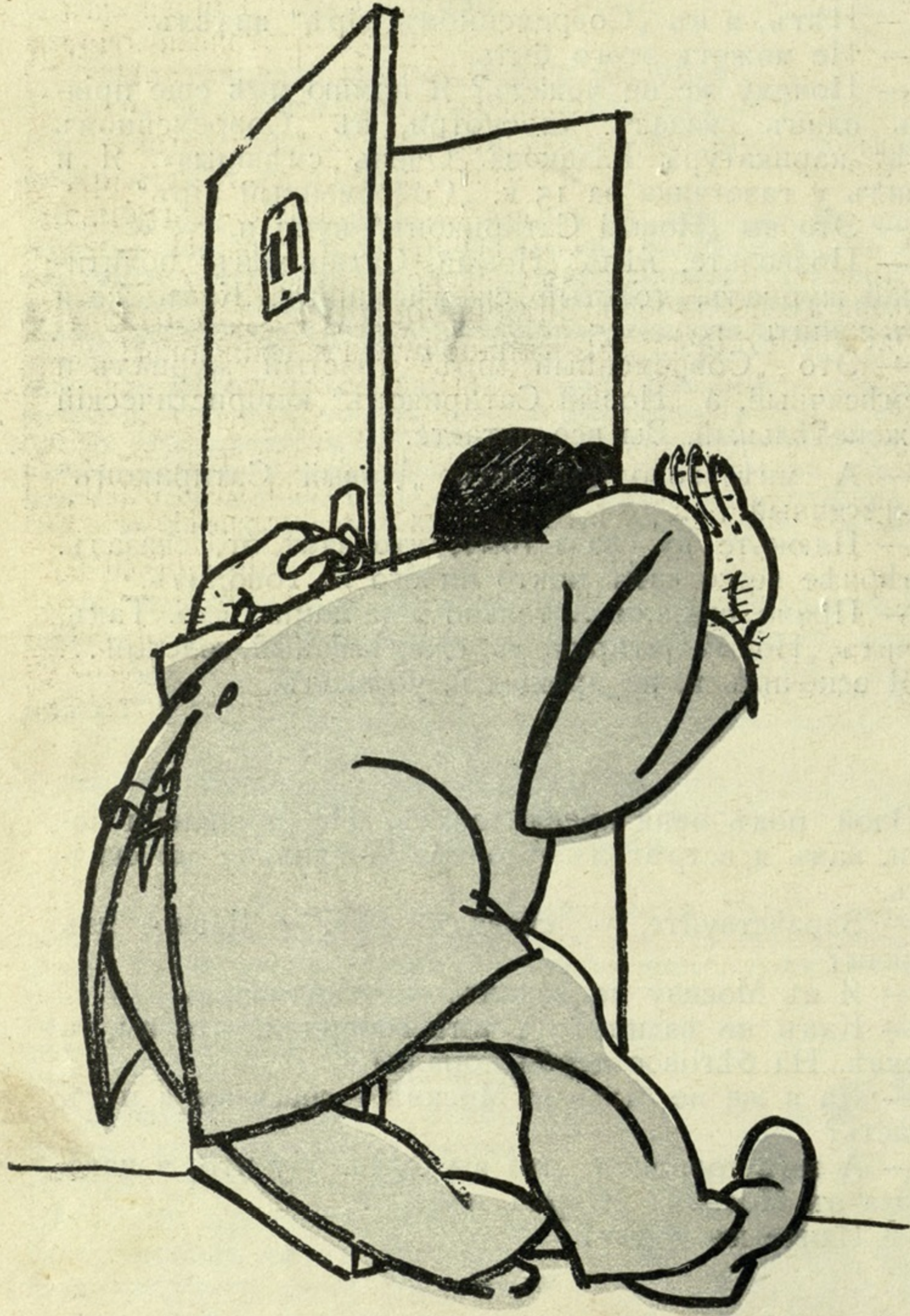
— Гм... странно... а меня увѣрили... Ну, а что вы подѣлываете, вообще?

— Ничего не подъялаю.
 — Скажите, какъ вы пишете вашу фамилию — Азовъ — черезъ одно „з“? или черезъ два?
 — Конечно, черезъ одно.
 — А я думалъ черезъ два. Вотъ Песталоцци черезъ два „ц“ пишется. Вы на скрипкѣ играете?
 — Нѣтъ, не играю.
 — А мнѣ говорили, что вы очень хорошо играете.
 — Врете!
 — Т. е. какъ это?
 — Не говорили вамъ.
 — Ей Богу говорили. Зачѣмъ же я сталъ бы выдумывать. Скажите, это ваша пьеса „Цыганка Аза“? Я въ „Озеркахъ“ видѣлъ въ прошлое воскресенье.
 — Во-первыхъ, пьеса называется „Цыганка Занда“, а во-вторыхъ она не моя.
 — А на афишѣ ваша фамилия.
 — Не можетъ быть! Вы ошиблись!
 Я вышелъ въ Бѣлоостровѣ, — якобы за папиросами, — и больше не вернулся въ вагонъ.

* * *

— Здравствуйте!
 Я сидѣлъ на поплавокѣ. Обернувшись, я увидѣлъ передъ собою Адольфа Ивановича.
 — Газету читаете?
 — Да.

Рис. А. Юнгера.

СКРОМНОСТЬ—ЛУЧШЕЕ УКРАШЕНИЕ ПЬЯНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Голосъ изнутри:— Кой чертъ сюда ломится?!!
 Пьяный. — Пр... ростите великодушно, но я думалъ, что это моя ком...ната.
 — Да вы въ какомъ номерѣ живете?
 — В... въ первомъ.
 — А это одиннадцатый!!
 — Ага... А я, видите-ли, сейчасъ смотрю — какъ будто дѣйствительно одиннадцатый... Да думаю: Эге, Сережа, это у тебя въ глазахъ двоится!.. Это первый!

— Ну, что новаго?
 — Да ничего новаго. Вотъ читаю статью Короленко о дѣлѣ Ющинскаго.
 — Ахъ, этотъ Ющинскій, который Бейлиса убилъ. Ну что скоро его судить будутъ?
 — Не Ющинскій Бейлиса убилъ, а Бейлиса Ющинскаго. Да и Бейлиса не убилъ Ющинскаго.
 — А я читалъ въ газетахъ, что убилъ Ющинскій.
 — Не могли вы этого читать.
 — Вчера только читалъ, въ „Новомъ Вечернемъ Времени“.
 — И газеты такой нѣтъ.
 — Что вы говорите! Я ее каждый день получаю. Конечно, они врутъ, что Ющинскій убилъ Бейлиса. Бейлиса убила шайка Вѣры Чеберякъ. Но только они пишутъ, въ своихъ цѣляхъ... На скачкахъ были?
 — Не былъ.
 — Сколько выиграла?
 — Я вѣдь не былъ. Какъ же я могъ играть?
 — Совсѣмъ не играли? У васъ, однако, сильный характеръ. Быть на скачкахъ — и не играть... Я бы не удержался. А что это нигдѣ не видать Аверченко?

— Онъ купилъ шапку-невидимку.
 — Невидимку? Это такая съ двумя козырьками? Спереди здравствуй, а сзади прощай? Гдѣ онъ ихъ покупаетъ? У Эсдерса?
 — У Шапшала.
 — Развѣ у Шапшала продаютъ шляпы? Мнѣ говорили, что у Шапшала продаются только папиросы.
 — На этотъ разъ вамъ вѣрно сказали! — завопилъ я. Потомъ я схватилъ бутылку изъ-подъ пива и началъ молотить его этой бутылкой по головѣ, приговаривая:

— „Сатириконъ“ не ежемѣсячникъ! Я не женатъ!! Потемкинъ — не Таврическій! Чортъ мнѣ не братъ! Аверченко не Песталоцци! Я не былъ въ Москвѣ! Бейлиса не Ющинскій...
 * * *

Меня схватили, но поздно. Адольфъ Ивановичъ лежалъ на полу, съ разбитымъ черепомъ. Изъ устъ его бѣжала пѣна, и струились предсмертные вопросы:

— Короленко?... Онъ не родственникъ сапожнику Королькевичу? Онъ пѣвецъ? Мнѣ говорили, что онъ барит...

* * *

Оправдаютъ? Засудятъ? Кто можетъ знать.
 Судъ присяжныхъ — лотерея.

Влад. Азовъ.

МЫСЛИ.

Оптимизмъ — удѣлъ банкировъ и погонщиковъ скота, Въ каждомъ чуткомъ чловѣкѣ плачетъ скорбная мечта. Въ нѣжномъ сердцѣ неизмѣнно чувство грустной пустоты,

Вѣчно веселы кретины, баритоны и шуты. Пессимизмъ — тавро на бедрахъ байроническихъ натуръ, Но и онъ порой бываетъ у бездѣльниковъ и дурь. Атрибуты пессимизма всѣ мы знаемъ наизусть: Полустоны, полувздохи, полускорбь и полугрусть. И брезгливость къ общей жизни, точно мѣръ нашъ — два нуля,

Точно всѣ давно погрязли въ нудныхъ поискахъ рубля. Не люблю я пессимизма фармацевтовъ и кассиршъ, Какъ и наглаго довольства властелиновъ хлѣбныхъ биржъ.

Нужно брать отъ нашей жизни счастья каждый золотникъ, Быть такимъ, какимъ прикажетъ каждый часъ и каждый мигъ.

Надъ печальнымъ надо плакать, обезсиленно грустя, Надъ веселымъ веселиться безпристрастно, какъ дитя. Пессимизмъ же съ оптимизмомъ — два фальшивыхъ ярлыка;

Отдирайте эти знаки съ мудреца и съ дурака!

Арк. Буховъ.

НЕПРИМИРИМЫЕ.

Сидящий с газетой (*читает*):— „Катастрофа. Вчера на Каменноостровском случилась автомобильная катастрофа. Шоффер барона фонъ-Зельца налетѣлъ на трамвайный столбъ. Автомобиль разбитъ въ дребезги. Шофферъ убитъ моментально, фонъ-Зельцъ жилъ еще 20 минутъ“ ...
— Эхъ, чертъ! И тутъ везетъ проклятымъ аристократишкамъ!!

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Только недавно у мирового судьи было разобрано дѣло „о диспутѣ, устроенномъ обществомъ эго-футуристовъ „Мишень“. Привлекался къ отвѣтственности председатель собранія Ларионовъ, за то, что онъ:

... Въ качествѣ руководителя засѣданія колотилъ звонкомъ по головѣ Бончъ-Томашевского, размахивалъ стуломъ, швырнулъ электрической лампой.

Растерянно и сбиваясь объясняетъ онъ судью, что, учиняя безпорядокъ, онъ, собственно, имѣлъ въ виду водворить порядокъ. Лампой оперировали, — хотѣли куда-то пододвинуть ее.

Бончъ-Томашевского колотили по головѣ, — хотѣли успокоить его.

Неопытный председатель: онъ слышалъ отъ кого-то, что председательскій звонокъ успокаиваетъ иногда взволнованныхъ, но онъ не зналъ, какъ этотъ звонокъ примѣнять.

Сразу видно эго-футуриста... Обыкновенный человекъ разсуждаетъ такъ: разъ звонокъ — нужно звонить. А футуристъ

возьметъ звонокъ, хлопнетъ имъ по головѣ оппонента, возьметъ звонокъ, засахаритъ его и съѣстъ, возьметъ звонокъ, всунетъ себѣ въ ухо и будетъ воображать себя соборной колокольней.

* * *

Однажды въ „Сатириконѣ“ мы помѣстили разсказъ о томъ, какъ англичане рекламируютъ „Сэнлайтовое мыло“.

А вотъ подлинное объявленіе объ этомъ мылѣ („Бирж. Вечерн.“):

SUNLIGHT SOAP. СВОБОДНАЯ ВРЕМЯ ВСЕГДА ПРИЯТНА.

Неоспоримо, что время есть деньги, поэтому, употребляя СЭНЛАЙТЬ, Вы достигайте чистоту и главное быстроту работы и тѣмъ понятно выиграете во времени. Поэтому мы рекомендуем СЭНЛАЙТЬ МЫЛО, какъ имѣющее несомнѣнную выгоду.

Мы того мнѣнія, что пріятна не только свободная время, но и грамотная переводчика.

Только тогда можно достигнуть чистоту работы.

* * *

Всякій испанецъ поблагодарить меня, если ему взбредетъ въ голову, на основаніи этихъ строкъ, потолкаться по обширной территоріи Народнаго Дома. Крысаковъ, по крайней мѣрѣ, пришелъ въ восторгъ. — Какой просторъ! Какія милыя славныя лица... Вотъ онъ настоящій русскій народъ. И какое искреннее веселье!

Тутъ же онъ заговорилъ съ однимъ парнемъ, восхищенно глазѣвшимъ на измазанныхъ мѣломъ клоуновъ.

— Энтю, стало быть, скомо-рошество вдругорядь причинно и уничтоженію кручинушки, котора, какъ змѣя злоехидная, со-сетъ-томить молодецкую грудь... Взираешь на таку посмѣху, да и только тряхнешь кудрями.

Дѣйствительно, у парня на лицѣ выразилось сильнѣйшее желаніе тряхнуть кудрями—только

не своими, а Крысаковскими.

— Ты чего ко мнѣ привязался, — сказалъ парень очень угрюмо, — я-жъ тебя не трогаю.

— Ничего, ничего, не обижайся, — примирительно сказалъ Мифасовъ, покрутивъ за спиной Крысакова пальцемъ около лба. — Не бойся, милый; онъ добрый.

— Вотъ смотри, что значитъ наметавшійся глазъ, — шепнулъ мнѣ Крысаковъ. — Стоило только поговорить мнѣ съ нимъ двѣ минуты, какъ я уже знаю, кто онъ такой... Онъ полотерь!

— Вы полотерь? — спросилъ Мифасовъ парня.

— Нѣтъ, — общительно сказалъ парень. — Я газетчикъ. Газетами торгую.

— Но, можетъ быть, вы газетами торгуете просто такъ... изрѣдка... для удовольствія? — съ нѣкоторой надеждой спросилъ Крысаковъ.

— Кой чертъ для удовольствія! съ восьми утра до восьми вечера не очень-то постоишь для удовольствія.

— Ага! Но вы, вѣроятно, все-таки изрѣдка натираете полы? Такъ, знаете, просто, для практики.

— Да чего-жъ ихъ натерать-то? — удивился парень.

— Ну, просто такъ... У себя въ квартирѣ, а? Паркетъ, а? Знаете, такой... квадратики.

Парень съ сожалѣніемъ поглядѣлъ на Крысакова, сочувственно кивнулъ намъ головой и отошелъ.

* * *

Ни въ какомъ Луна-Паркѣ не встрѣтишь такого веселья на „чертовомъ колесѣ“, какъ въ Народномъ Домѣ.

Я видѣлъ катающихся въ Луна-Паркѣ: мрачно, страдальчески сдвинутыя брови, отчаянныя лица людей, которые рѣшили путемъ катанья на колесѣ порвать нить надоѣвшей жизни, стоны и охи, когда колесо разбрасаетъ въ разныя стороны всю эту кучу скучающаго человѣческаго мяса.

Не то въ Народномъ Домѣ. Прежде всего, здѣсь на „чертовомъ колесѣ“ катаются титаны, выкованные изъ желѣза. Не успѣетъ колесо остановиться, какъ на него со всѣхъ сторонъ, подобно лавинѣ обрушиваются человѣческія тѣла; со всего размаха, съ трескомъ и хрустомъ костей бросается веселящійся русскій народъ на деревянное колесо. Въ одну минуту образуется живая гора изъ перепутавшихся рукъ, ногъ, головъ... — Вжжж!.. — вертится колесо — и вся эта живая гора, какъ щепки со страшнымъ стукомъ, громомъ и грохотомъ разбрасывается въ разныя стороны.

— Крѣпко нынче стали людей дѣлать, — задумчиво сказалъ Мифасовъ, глядя на мальчишку, который, сдѣлавъ двухаршинный прыжокъ и, шлепнувшись животомъ о деревянный полъ, вдругъ завертѣлся вмѣстѣ съ колесомъ, вылетѣлъ на барьеръ, ударился объ него гало-

Когда Мифасовъ и я собрались ѣхать въ Народный Домъ — къ намъ присталъ и художникъ Крысаковъ:

— Возьмите меня!

— А зачѣмъ?

— Да вѣдь вы ѣдете въ Народный Домъ?..

— Ну?

— А я знатокъ народныхъ обычаевъ, вѣрованій и всего, вообще, народнаго быта. Кромѣ того, я знатокъ русскаго языка.

Послѣднее было безспорно. Стоило только Крысакову встрѣтиться съ извозчикомъ, маляромъ или оборваннымъ мужичкомъ, собирающимъ на погорѣльцевъ — Крысаковъ сразу вступалъ съ ними въ разговоръ на самомъ диковинномъ языкѣ:

— Пожалуйте, баринъ, отвезу.

— А ты энтю, малый, не завихляешься-то ничего такого, вобщемъ? По обыкности, не объерепишься?

Извозчикъ съ глубокимъ изумленіемъ прислушивался къ этимъ словамъ:

— Чего-о-о?

— Я говорю: шеломѣть-то неповадно съ устатку. Дыкъ энтю какъ?

— Пожалуйте, баринъ, отвезу, — робко лепеталъ испуганный такими странными словами извозчикъ.

— Коли животино истоманилась, — вѣско возражалъ Крысаковъ, — то не наваракшишь, какъ быть слѣдь. Космогонить то всѣ горазды на подысподь.

— Должно нѣмецъ, — печально бормоталъ ущемленный плохими дѣлами Ванька и гналъ свою лошаденку подальше отъ затѣйливаго барина.

А Крысаковъ уже подошелъ къ маляру, лѣниво мажущему кистью парадную дверь, и уже вступилъ съ нимъ въ оживленный разговоръ.

— Выхмарило сегодня на гораздое вѣдро.

— Эге, — хладнокровно кивалъ головой маляръ, прилежно занимаясь своимъ дѣломъ.

— А на вытулкахъ не чемезишься, какъ быть слѣдь.

— Эге, — бормоталъ маляръ, стряхивая краску съ кисти на бариновы ботинки.

— То-то. Не талдыкнуть, дыкъ и гомозишься не съ поскоку.

— Эге.

Потомъ Крысаковъ говорилъ намъ:

— Надо съ народомъ говорить его языкомъ. Только тогда онъ не сожметъ передъ тобой и будетъ откровененъ.

Вотъ почему мы взяли съ собой Крысакова.

Я хочу открыть Америку:

— Читатели! Вы всѣ, въ комъ еще не заглохла жажда настоящей жизни, любовь къ настоящему простому, ясному человѣку, стремленіе къ искреннему веселью и непосредственной радости — сходите въ Народный Домъ, потолкайтесь въ толпѣ.

— „Дѣйствительно открылъ Америку“, — подумаетъ ктонибудь, пожавъ плечами.

Нечего пожимать плечами. Большинство читателей „Нов. Сатирикона“ въ Народномъ Домѣ ни разу не было, и я, какъ новый Колумбъ, уподобивъ читателей „Нов. Сатирикона“ — испанцамъ — предлагаю имъ новую только что открытую мною, страну — Народный Домъ.

вой и дико захотят, не обращая вниманія на то, что какой-то рыжий мужик топчет каблучищем сапога его грязную рученку.

Весело, чертъ возьми. И никто ни на кого не обижается.

Наконецъ-то бѣдный, безправный русскій народъ достигъ идеала своей національной игры: мала куча—крыши нѣту.

На особой эстрадѣ — танцы. Здѣсь, въ Народномъ Домѣ — танцы священнодѣйствіе. У всѣхъ серьезныя, углубленныя и какъ-то внутренне просвѣтленныя лица.

Кухарки отплясываютъ съ благоговѣйнымъ выраженіемъ огрубѣвшаго у плиты лица. Модистки танцуютъ съ опредѣленнымъ убѣжденіемъ, что это не шутки, не игрушки, и что громкій голосъ или смѣхъ — звучалъ бы въ данномъ случаѣ кошунственно.

Мы долго не сводили глазъ съ военного писаря, который думалъ, что онъ Нижинскій, — и танцевалъ такъ, будто бы весь свѣтскій, административный и дипломатическій міръ Парижа собрался полюбоваться на него. Мы видѣли писаря, разочарованнаго аристократа, который танцевалъ, еле-еле шевеля ногами, и которому все надоѣло: и этотъ блескъ, шумъ и, вообще, вся эта утомительная свѣтская жизнь. Мы видѣли какого-то восторженнаго человѣка, съ глазами поднятными молитвенно къ небу.

Онъ прикасался къ дамѣ кончиками пальцевъ, нѣжно переставлялъ искривленные портняжной работой ноги, а взоръ его купался въ высотѣ, и онъ видѣлъ тамъ ангеловъ. Мы видѣли высокаго нескладнаго молодого человѣка со множествомъ веснушекъ, но за то безъ всякихъ бровей и рѣсницъ; этотъ молодой человѣкъ работалъ ногами такъ, какъ не можетъ работать поденщикъ; это усердіе свойственно только сдѣльнымъ рабочимъ. Про него Крысаковъ сказалъ:

— Вотъ типичный клеркъ маленькой банкирской конторы.

Впрочемъ, черезъ пять минутъ «клеркъ» сказалъ своей дамѣ:

— Вотъ какъ за цѣлый-то день молоткомъ намаешься — такъ на вашу тяжесть мнѣ наплевать.

— Видишь, — сказалъ Мифасовъ Крысакову. — Это молотобоецъ, а ты говоришь — клеркъ.

— Ну, это еще вопросъ, — нахально пожалъ плечами Крысаковъ. — Можетъ быть, онъ въ банкирской конторѣ вбивалъ молоткомъ какіе нибудь гвозди для плакатовъ и діаграммъ биржевыхъ сдѣлокъ.

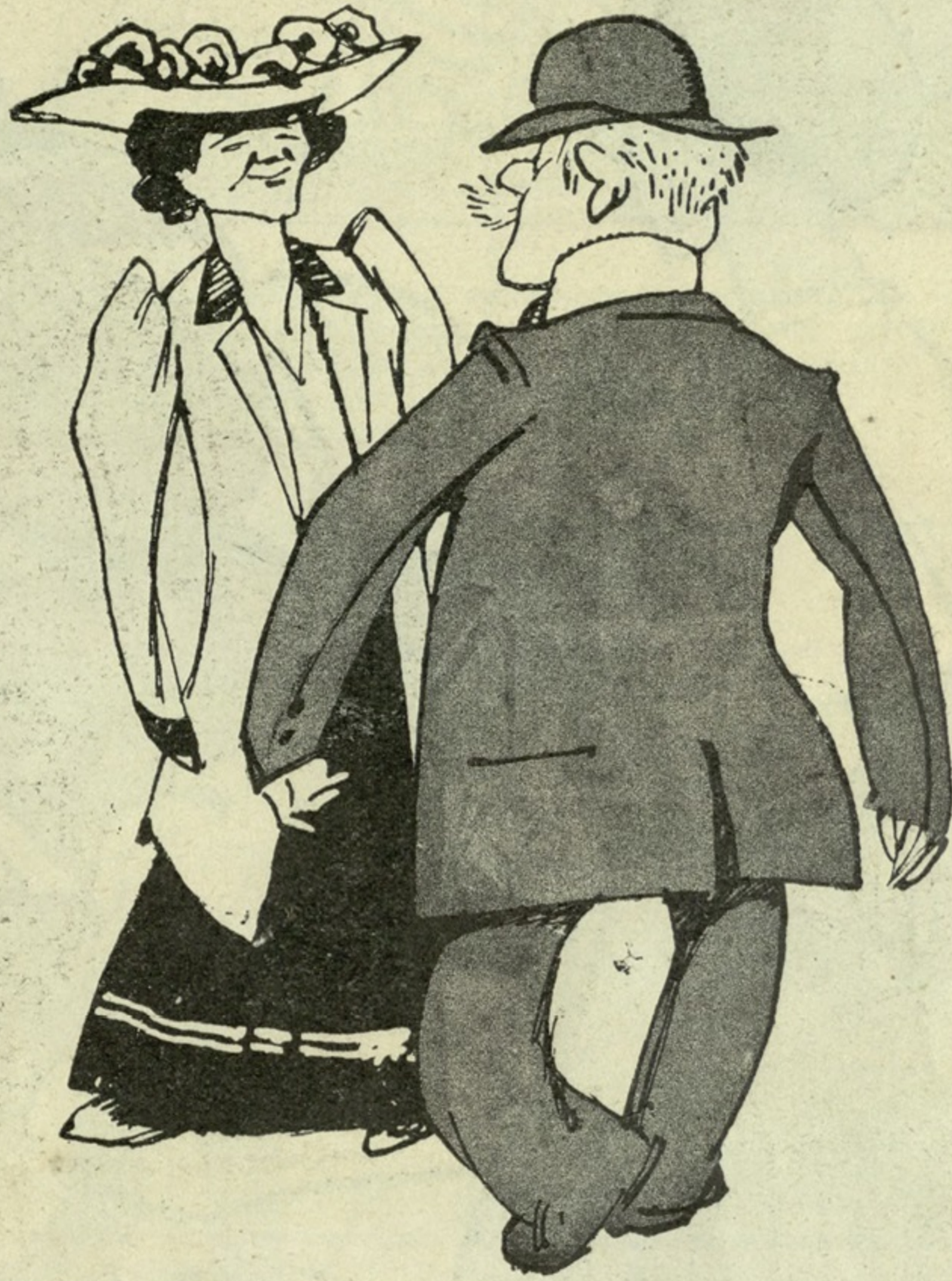
Уходя, мы насолили Крысакову въ отплату за его развязность — какъ могли. Именно, продираясь сквозь толпу впереди Крысакова, Мифасовъ говорилъ вполголоса:

— Пожалуйста, господа, дайте дорогу. Сзади меня опасный сумасшедшій, не надо его злить. Онъ только что выписался изъ больницы, и снова ему плохо. Осторожнѣй господа!..

Когда мы вышли на улицу, Крысаковъ сказалъ:

— Замѣтили, какъ весь народъ смотрѣлъ на меня? Они чувствовали во мнѣ «своего» человѣка, знающаго ихъ бытъ, привычки, языкъ и весь, вообще, укладъ.

Юма Опискинъ.

УВЛЕЧЕННЫЙ ТАНЦЕМЪ.

ПАРИЖСКІЯ ЗЕРКАЛА.

I.

И я сидѣлъ въ кафѣ, и я смотрѣлъ на васъ,
Деревья чахлая заплываныхъ бульваровъ,
И больно рѣзали мой непривычный глазъ
Огни привѣтные всю ночь открытыхъ баровъ,
И видѣлъ я шелка павлино-пестрыхъ дамъ
И груди бѣлыя парадно-черныхъ фраковъ,
Я взглядомъ шель своимъ за ними по слѣдамъ,
Но взглядъ отвѣтный ихъ у всѣхъ былъ одинаковъ.
Въ немъ не было любви, въ немъ не было стыда, —
Была у всѣхъ одна зеркальная улыбка
И, улыбнувшись мнѣ, шли также господа
Какъ госпожи ихъ — вызубренно-гибко
И гибкости такой учили зеркала,
И совѣсти зеркаломъ они смѣняютъ сумблы,
Повѣсивши зеркалъ повсюду безъ числа!
И на меня они, какъ въ зеркало, глядѣли.

II.

Зеркала, зеркала, зеркала,
Зеркала безъ конца и числа!
Зеркала, вмѣсто рамъ и картинъ,
Зеркала, вмѣсто клумбъ и куртинъ,
Зеркала облѣпили собой
Стѣны, вмѣсто привычныхъ обоев...
Въ зеркалахъ утопаетъ Парижъ!
Зеркала, вмѣсто оконъ и нишъ,
Зеркала — потолки и полы,
Двери, стулья, прилавки, столы!
Я сижу и курю въ зеркалахъ,
Я — въ углу, и повсюду въ углахъ
Я, безчисленный, пью и курю
И съ собою самимъ говорю.

И когда предзакатная тишь
Лучъ румяный уронить въ Парижъ,
Лучъ, подхваченный сонмомъ зеркалъ,
Разольется, какъ огненный валъ.
Зеркала, какъ цвѣты расцвѣтутъ
И румянами солнца зажгутъ
Дамъ сѣдыхъ, легкомысленныхъ дѣвъ.
И, зеркальныя маски надѣвъ,
Понесутъ онѣ въ темный бульваръ
Отошедшаго солнца пожаръ.

III.

ПАРИЖАНКА.

Какъ, сымальства привыкшая къ прудамъ,
Красива ива.
Приученная съ дѣтства къ зеркаламъ
Она красива.
У ивы отыми родимый прудъ —
Она завянетъ.
Лишить ее зеркалъ на пять минутъ,
Ея не станетъ.

IV.

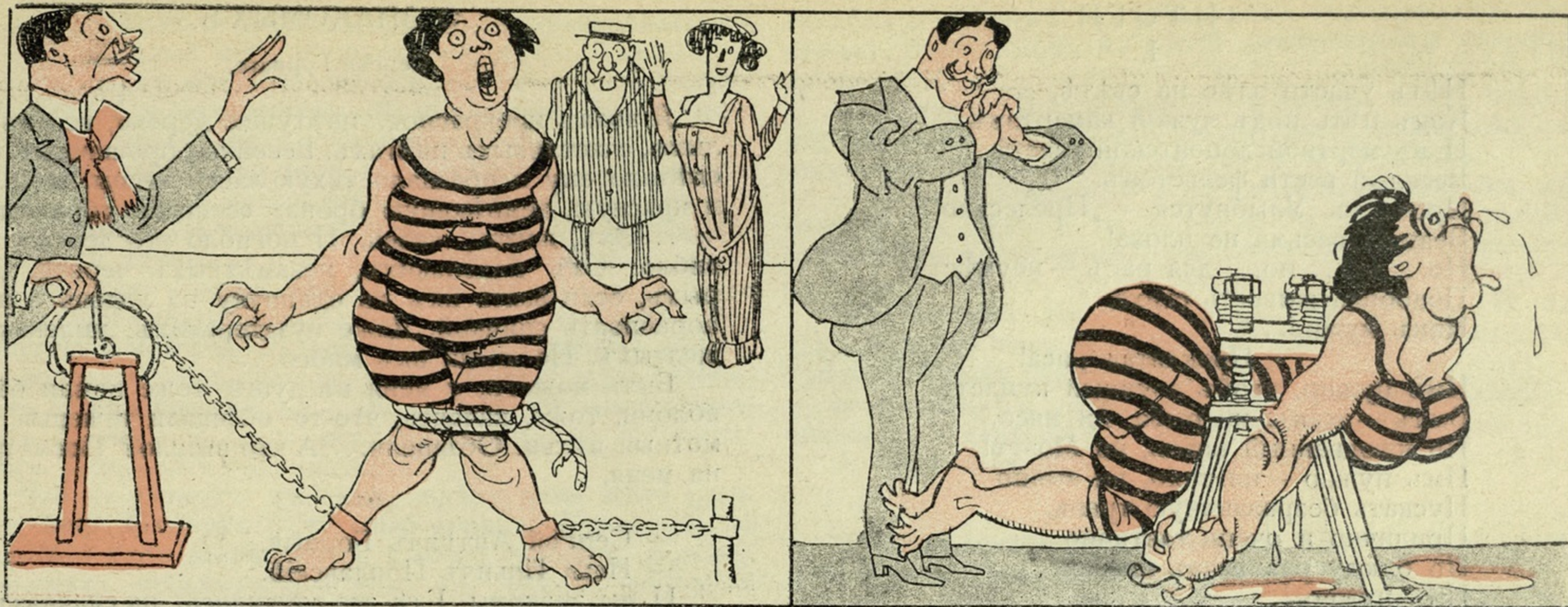
Я всего на одну
На мгновенье взгляну,
Но поставлю ее въ зеркала.
Только мигъ погляжу,
Но ее наряжу,
Чтобъ она самой модной была.
Я корсетъ затяну
Грудь взовью ввышину
Прицѣплю ей эпическій задъ,
И изъ сотни зеркалъ
Какъ въ волшебный кристаллъ
Всѣ француженки вдругъ заглядятъ.

Потемкинъ.

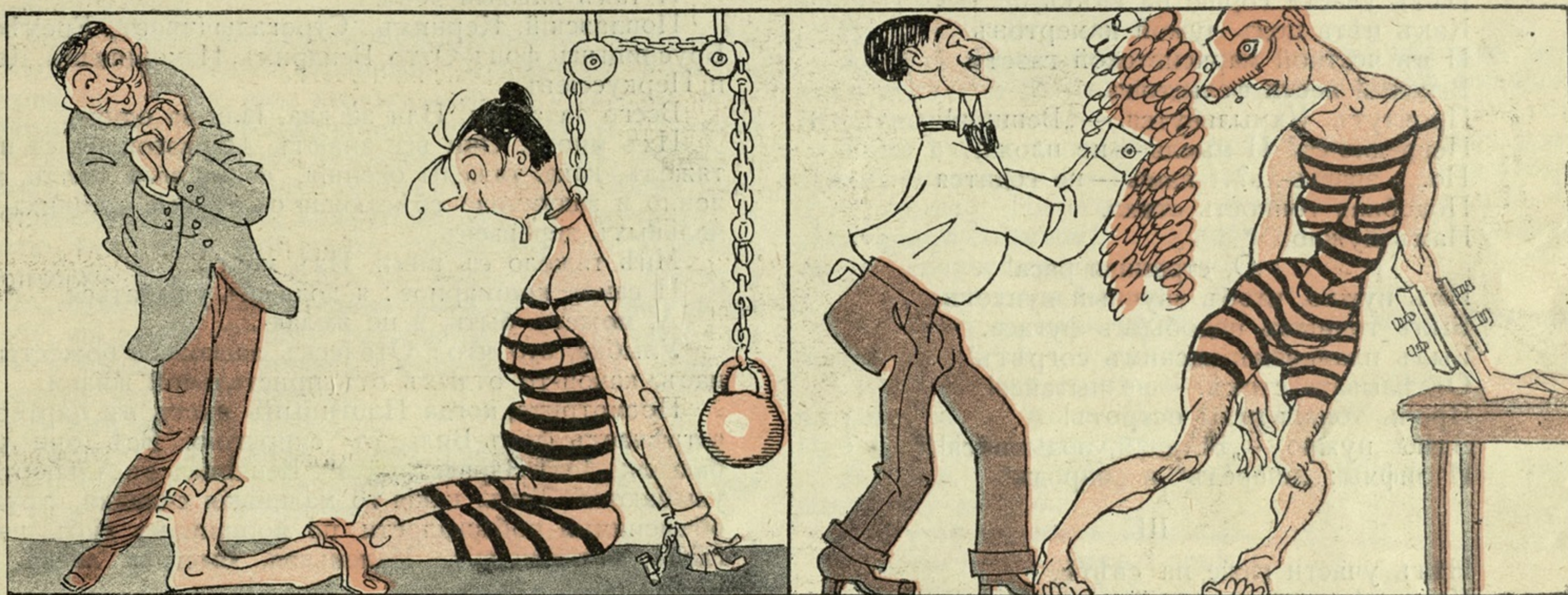
ДИТЯ ПРИРОДЫ.

- Краску-то ты какъ разводишь... на водѣ?
- Нѣтъ, у меня краска на яичныхъ бѣлкахъ.
- Ага... То-то у тебя курица такая похожая вышла.

Жена толкнула меня в бокъ и прошептала:
 — Смотри, вотъ женщина, которой ломаютъ ноги, слышишь, какъ хрустятъ кости?! Боже, какой ужасъ...
 — О какой ужасъ пытка въ 20 вѣкѣ! — воскликнулъ я.
 — Боже! сказала жена—какой ужасъ, что эта женщина не я!

— Смотрите, смотрите, теперь ее заворачиваютъ!.. — продолжала она, — о Боже! почему ты даешь счастье однѣмъ и лишаешь его другихъ! Почему этой уродливой женщинѣ доступна эта роскошь, а мнѣ нѣтъ... почему, почему?
 — Милая, что ты говоришь?!!

— Молчите, жалкій, скупой человѣкъ. Конечно вы не желаете своей женѣ доставить такое удовольствіе... О, тир-р-ранъ!!! Развѣ вы подумаете о томъ, что женѣ приятно, — ну хоть на десять минутъ быть подвѣшенной за шею, какъ эта дура?!..
 — М-и-илая???

— О, я несчастная! Смотрите, на нее надѣли желѣзную маску! На носъ надѣли щипцы, ея руки запаляли въ тиски. Какъ прекрасно стало ея сломанное тѣло! Сейчас ее положить подъ доску и 5 мужчинъ будутъ плясать на доскѣ чардашъ въ продолженіе часа! И все кончено... Она выйдетъ изъ-подъ доски, счастливая, прекрасная... божественная.
 — Милая, но она искалѣчена, она уродлива, она скоро умереть...

— [Молчите, глупый, грубый, гадкій, низкій, тупица!!! Поймите же, что эта пытка позволяетъ ей надѣть костюмъ по последнему рисунку Леона Бакста!!!..

ИТОГИ.

I.

Нѣтъ участи злѣе на свѣтѣ,
Какъ пѣть подѣ чужой камертонъ
И въ мертвой доцентской газетѣ
Веселый вести фельетонъ.
Прочтутъ. Улыбнутся. — „Прелестно!
Вещица весьма не плоха!
Но... гм!.. но... для насъ — неумѣстна
Подобная живость стиха.
Намъ нужно...“

Проклятая раса!
Имъ нужно, чтобъ звучный куплетъ
Былъ — этакъ: ни рыба, ни мясо,
Ни клюквенный квасъ, ни Моэтъ!
Имъ нужно — ни тихо, ни зычно
Пускать безразличную трель,
Прилично и очень тактично
По блюду размазавъ кисель!
Имъ нужно...

О, лучше ужъ, дѣти,
На каторгѣ землю копать,
Чѣмъ въ мертвой доцентской газетѣ
Беззубая вирши кропать!

II.

Нѣтъ участи горше на свѣтѣ,
Какъ пѣть подѣ чужой камертонъ
И въ честной марксистской газетѣ
Веселый вести фельетонъ.
Прочтутъ. Ухмыльнутся. — „Вещица!
Невредно-съ! И мысль — не плоха!
Но... знаете-ль?... намъ — не годится
Подобная тонкость стиха.
Намъ нужно...“

О, странная раса!
Имъ нужно, чтобъ звучный куплетъ
Былъ точнымъ подобьемъ фугаса,
Былъ пламенемъ адскимъ согрѣтъ!
Отдѣлывать стихъ? — не пытайся!
Прочь тонкія иглы остроты!
Здѣсь нужно — „Вставай, подымайся!“
И рифмы: „впередъ“ и „народъ“

III.

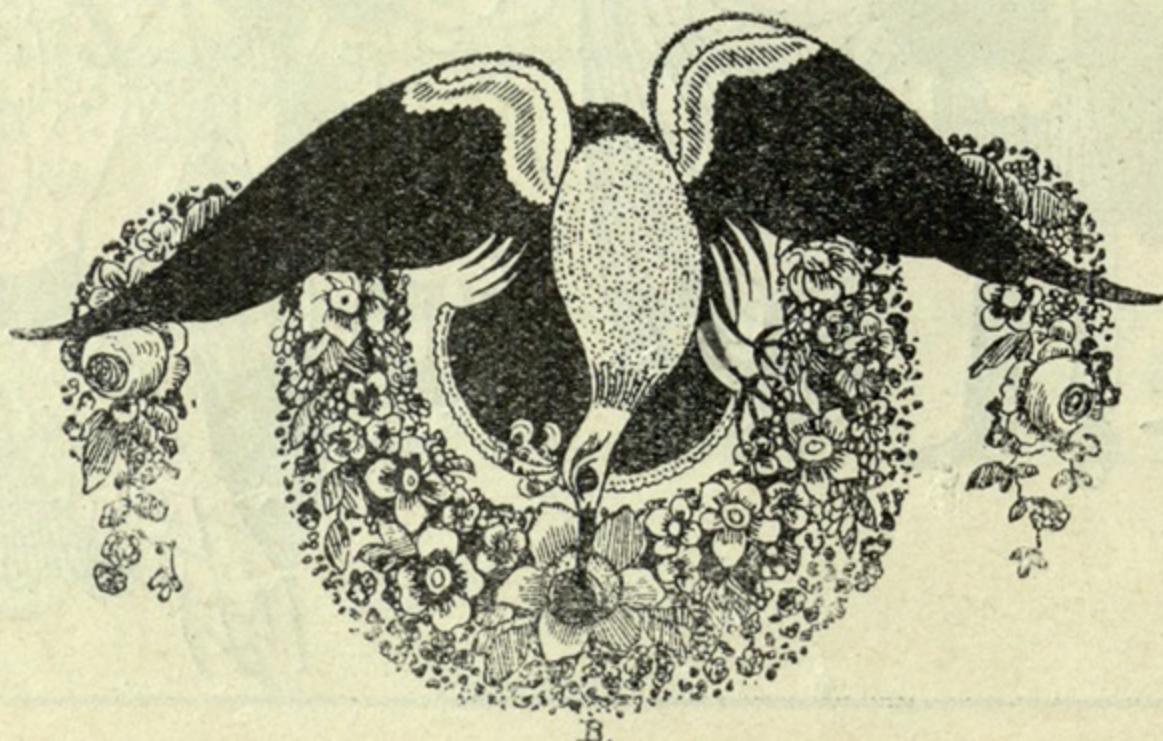
Нѣтъ участи гаже на свѣтѣ,
Какъ пѣть подѣ чужой камертонъ
И въ грязной бульварной газетѣ
Веселый вести фельетонъ.
Прочтутъ. Отодвинутъ. — „Банально!
Нѣтъ вывѣски. Прѣсенъ сюжетъ.
Повѣрьте, намъ — очень печально,
Но... впрочемъ, угодно совѣтъ?—
Пишите...“

О, подлая раса!
Имъ нужно, чтобъ звучный куплетъ
Пахучъ былъ, какъ тухлое мясо,
Трескучъ, какъ десятки ракетъ!
Ихъ радость — неожиданность скандала,
Девизъ ихъ: „Да здравствуетъ гниль!
Житейскія накипь и сало
И грубо-безграмотный стиль!..
Имъ нужно...“

О, лучше ужъ, дѣти,
На крючьяхъ болтаться въ аду,
Чѣмъ въ грязной, бульварной газетѣ
Быть пестрымъ шуткомъ-какаду!

Василій Князевъ.

Рис. С. Ч.

О ЗНАКОМЫХЪ.

Сергѣя Горнаго.

Я зналъ прекрасное, цвѣтушее дерево, все въ бѣлыхъ, счастливыхъ цвѣтахъ. Весеннее, прощающее небо свѣтило ему и обѣщало тихую ласку весны, зной лѣта и красную, темнѣющую бронзу осенняго убранства.

...Эхъ, жизнь, жизнь. И погибло это дерево. Погибло. Отъ маленькихъ, незамѣтныхъ червей. Добрыхъ, если взять ихъ въ одиночку на ладонь и перерачивать спичкой. Даже пузатенькихъ, миленькихъ, желтыхъ. Но когда ихъ много...

Быть можетъ, у меня въ душѣ тоже цвѣли бѣлыя яблони, тоже, качаясь, что-то обѣщали тяжелыя, дремотныя вѣтви. Обѣщали... А что вышло? Посмотрите на меня.

— Сергѣй Авдѣичъ Горный.

— Илья Ильичъ Поплавскій.

И мы знакомы. Гдѣ это случилось: на скачкахъ, въ фойѣ, въ цирковомъ променуарѣ, въ гостиной или буварѣ Эльзы Капитоновны? Не все-ли равно?

Мы знакомы. Запомните: „Илья Ильичъ Поплавскій“. Вамъ это на что-нибудь нужно? Нѣтъ? И мнѣ ни на что. Ей-Богу.

А сколько ихъ...

И такъ каждый день.

Поплавскій, Кернихъ, Строгальщиковъ, Еремѣевъ, Брусницынъ, фонъ-Отто, Вендрихъ, Изморицынъ, Делле и Перкуссіевъ.

Всего за 3 дня. Или за два. Или за одинъ.

Ихъ много. Они все знаютъ. И разговоръ съ ними тяжелъ, какъ тяжелы осеннія, свинцовыя капли, медленно и задумчиво сбѣгающія съ вѣтвей осеннихъ, печальныхъ деревьевъ.

Мнѣ тяжело съ ними. Ихъ много.

И самое кошмарное: я долженъ улыбаться.

А, можетъ быть, я не желаю...

Улыбка, это что? Отблескъ ласковаго божества въ насъ, какой-то отдыхъ отъ пристальной жизни.

Посмотрите, когда Плотицынъ идетъ въ партеръ и встрѣчаетъ фонъ-Виль съ супругою. Всѣ они улыбаются: „Гы! Здравствуйте“. Вендрихъ съ Альбертомъ улыбаются. Такъ, какія-то маленькія складки, труднообъяснимыя побѣжалости по морщинамъ губъ, щекъ, глазъ и переносья. Маленькая, быстрая ласка. Но всегда одна и та-же.

Въ биоскопѣ, на вокзалѣ, въ вагонѣ и буфетѣ всѣ встрѣчающіеся улыбаются: „Гы! И вы?! Какими судьбами?“

Улыбка, чарующая, свѣтлая улыбка — это какъ свѣтлый листъ вишневаго счастья съ коры нашей души, съ нашихъ будней. Быть-можетъ, когда первый человѣкъ въ первый разъ улыбнулся — расбѣялись тучи и даже межъ деревьевъ и на солнцѣ стало лучше, ласковѣй, цѣлебнѣе... Ибо это — святые, спадающія съ нашего лица маленькія маски-цвѣты. Пристально пригвожденная къ бытію, душа живетъ отрѣшенной жизнью только въ улыбкахъ. Улыбкой мы прощаемъ, понимаемъ, надѣемся и живемъ.

А Надины? А Лидины? А Перкуссіевъ съ Иринарховымъ? Они загрызли, заманежили улыбку. Сухой, сморщенный листъ осени на ихъ лицѣ. Не улыбка это. Нѣтъ.

А какъ ихъ много. И сколько у нихъ улыбокъ.

Вотъ, вы въ своей наивности думаете, что ваша жизнь опредѣляется вашей волей, умомъ, настойчивостью, всѣмъ арсеналомъ стальныхъ инструментовъ вашей жизни. Вы думаете, что въ ней ласково звучитъ нѣжность Любимой и овѣваетъ васъ, направляя ваши мысли — (какъ пряди волосъ по вѣтру) — въ какую-то Ей, Единой — желанную сторону. Вы думаете, что траекторія вашей жизни — это опредѣленная кривая и слагающія ея хода: это — то, что вамъ близко, — то, что подлѣ, — то, что страдало для васъ и то, изъ-за чего вы сами страдали.

Напрасно. Напрасно вы такъ думаете, мой наивный и старомодный.

Нынче живутъ иначе.

— Сергѣй Авдѣичъ Горный.

— Илья Ильичъ Иринарховъ.

Треть моей жизни; больше: двѣ трети; скоро — три трети — будетъ заполнено близостью ненужныхъ мнѣ встрѣчныхъ Делле, Плотицыныхъ и фонъ-Виллеръ.

Съ каждымъ я долженъ начать разговаривать съ начала. Каждый меня пробуетъ на вкусъ. Каждый съ одного, двухъ вечеровъ выносить обо мнѣ свой строгій, рѣзкій и нелицеприятный приговоръ. Боже мой! Не окончательно-же я пустой человѣкъ. Быть-можетъ, чтобы поговорить со мной, какъ слѣдуетъ, надо много-много встрѣчь, и тогда нажметъ какая-то кнопка, и я скажу что-нибудь толковое. Одиннадцать встрѣчь будетъ тусклыхъ, мутныхъ: я не буду знать, что сказать. А на двѣнадцатую — какая-нибудь радость, какая-нибудь искра, чьи-нибудь загорѣвшіеся радостью глаза прошепчуть и мнѣ радость жизни, что-то стукнетъ во мнѣ въ золотую дверь сердца и подскажетъ расцвѣтшія, разъ говорящіяся слова... Боже мой! А одиннадцать разъ до этого я буду мертвымъ. Инымъ. Не здѣшнимъ. Подумайте: одиннадцать!

Что-же скажутъ тѣ, что видѣли меня всего разъ или два? Скажутъ: „тусклый дуракъ. Странный. И какой-то тупо застѣнчивый. Словно стащилъ дюжину хорошихъ носовыхъ платковъ съ чужой, ненужной ему мѣткой“.

Иринарховы! Вы заполнили мою жизнь. Я встрѣчаюсь съ вами ежедневно. Меня знакомятъ, и я говорю о Думѣ, о мѣстномъ губернаторѣ, о послѣднемъ кабарѣ, о томъ, кто снялъ театръ на будущей зимній сезонъ... Говорю, говорю. И говорю все это тяжело и глупо. Ибо вы, Иринарховы, мнѣ ни на каплю, ни на югу не нужны.

Одинъ разъ, на какіе-нибудь жалкіе 40 или 50 лѣтъ отпущенъ мнѣ этотъ странный, загадочный міръ съ неразрѣшенными, еще неразгаданными улыбками женщинъ, съ дождемъ бѣлыхъ, весеннихъ цвѣтовъ и странно отступающимъ вверхъ, — странно высокимъ, отражающимъ нашу душу голубѣющимъ небомъ. Посмотрите когда-нибудь вверхъ, комнатные люди, посмотрите. Я знаю, что языкъ мой грубъ, слова ложатся неубѣдительнымъ узоромъ и нѣтъ въ нихъ власти пригнуть васъ, схватить и мучительно выгнуть васъ вверхъ къ небу, къ радости нашей голубизны. Счастье есть — въ этихъ бѣлыхъ, вишневыхъ деревьяхъ и небѣ; счастье, господя, огромное счастье.

А мнѣ некогда. Некогда.

Треть моей жизни... что треть?... двѣ трети... скоро три — будетъ уходить вечеромъ, днемъ и утромъ на разговоръ съ Перетьринымъ.

Я знаю, что давно знакомъ съ Делле. Ну, и Богъ съ ними. Я къ нимъ привыкъ. Но не знакомьте меня, Делле, не знакомьте меня съ новыми.

Нельзя.

— Сергѣй Авдѣичъ Горный.

— Иванъ Эрастовичъ Кербецъ.

— Очень пріятно. (Вру, вру. Вы сами видите, какъ вру).

Я занятъ. Мучительно занятъ. Вчера вмѣсто того, чтобы думать о Сторицынѣ, я слушалъ мнѣніе о немъ въ фойѣ Исконникова (Степана Макаровича), съ которымъ меня только что познакомилъ Вендрихъ. Но мнѣ-же Исконниковъ ни на что не нуженъ. Я считаю его мнѣніе смраднымъ. Четверть часа до знакомства встрѣтъся я съ нимъ передъ театромъ, у трамвая, я-бы его, быть-можетъ, толкнулъ и даже не извинился-бы; наступилъ-бы на ногу и не моргнулъ-бы. Какое мнѣ дѣло до того, что онъ думаетъ о Сторицынѣ?

— Синайская на будущей сезонъ приглашена въ Харьковъ къ Азбестову... Слышали?... Вообще, знаете, Синайская, сказать по правдѣ...

А антракты такъ долги. И акты такъ коротки.

Когда я ѣду по городу, я только кланяюсь. Масса знакомыхъ: Кербецъ, Иллеръ, Боровковъ, Каллежуа, Ирковский, Смуklerъ, Комбадзе, Коломшинъ и Барскій... Я буду ѣздить, снявъ шапку, ибо на углу Литейной — Иглеръ съ Авцынымъ и въ двухъ шагахъ у Филиппова братья Олькенъ съ Завадскимъ... Не стоить надѣвать шапки. И попробуй я слѣзть съ извозчика и подойти на Кирочной къ Барскому, онъ покажетъ на меня какому-то среднему человѣку въ модномъ хорошемъ пальто и скажетъ:

— Сергѣй Авдѣичъ Горный.

— Левъ Петровичъ Свидаеръ.

— Очень пріятно. Очень пріятно. Боже мой! Очень, очень пріятно.

Я усталъ, я очень усталъ.

Быть-можетъ, — живи я много лѣтъ назадъ, — если-бы меня въ состояніи такой послѣдней усталости

подвели въ одномъ изъ нѣмецкихъ городовъ къ высокому, прекрасному въ своей отмѣченности старику и сказали-бы:

— Артуръ Шопенгауэръ, — я вмѣсто того, чтобы обрадоваться, понять, кто передо мной, сказалъ-бы съ несслыханной безтактностью, грубо и навязчиво:

— Сергѣй Горный, — и такъ и не осмыслилъ-бы, въ чемъ дѣло, такъ и не оцѣнилъ-бы исключительной, глубокой и единственной радости потрогать подольше эту пергаментную, сухую руку.

Ибо некогда. Меня затюкали Иринарховы. И на Шопенгауэра меня-бы просто не хватило. Я былъ-бы тупъ. Я просто спалъ-бы на ходу.

И пропало-бы рѣдкое для меня, гордое для меня — знакомство. Пропало-бы, чортъ возьми. Пропало.

А все изъ-за Делле и Рогинскаго.

Я зналъ прекрасное, цвѣтущее бѣлое дерево. Оно радовалось жизни и, качаясь, что-то говорило о своихъ бѣлыхъ, заколдованныхъ снахъ. Иногда во снѣ, улыбаясь и растерянно, роняло бѣлыя сережки. Ихъ подхватывалъ и крутилъ вѣтеръ.

Кажется, и въ душѣ моей когда-то росли бѣлыя цвѣты. Наклоняясь, шептали что-то, обѣщали. Думалось, вотъ выйдетъ что-то изъ этого человѣка.

Но на дерево нашли маленькіе (совсѣмъ небольшіе) добродушные ползунки.

И дерева нѣтъ. Погибло.

А червячки не страшные, если взять cadaго изъ нихъ отдѣльно на ладонь и переворачивать спичкой. Желтенькіе, смиреннькіе...

Тоже вчера, на примѣръ, представили меня въ фойѣ одному господину (— Серг. Авд. Горный — Влад. Петр. Кострицынъ). Ничего себѣ господинъ. Хорошій. О „Екатеринѣ Ивановнѣ“ говорилъ и о Сологубѣ. Внятно такъ и сочувственно. Хорошо.

И почему это я на нихъ такъ нападаю? А?

Смрадная у меня душа, значить, опустошенная, испепеленная.

И голый пенъ стоитъ въ ней обожженный: и сидятъ на немъ въ кружокъ Делле, Вендрихъ, Кострицынъ, Ирбинъ и Вентрилоковъ.

А, вѣдь, было когда-то свѣтлое, обѣщавшее, знавшее ласку дерево.

— Гурій Иванычъ Ломтинъ.

— Сергѣй Авдѣичъ Горный.

— Очень пріятно.

— Очень пріятно.

И такъ всю жизнь. Всю короткую жизнь.

Сергѣй Горный.

ДРУЗЬЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

На студенческой пирушкѣ:

— Господа! Предлагаю вашему вниманію: вотъ колбаса — лучший другъ человѣка!

— Что за вздоръ! Лучшій другъ человѣка — собака!

— Ну, да. А колбаса-то эта изъ чего сдѣлана?

ВЪ ПЫЛУ.

Мужъ: — Сударыня! Это превосходитъ всякое вѣроятіе!! Я сейчасъ только получилъ свѣдѣнія, что у васъ два любовника!!

Жена: — Ты, кажется, пьянъ, мой милый! Пропись. У тебя въ глазахъ двоится.

ГЕОГРАФІЯ.

Пьяные бредутъ по темной улицѣ. Одинъ натывается на что-то.

— Кто-то тутъ вертится подъ ногами, а?

Второй пьяный (разсудительно):

— Это... земля вертится. Пусть себѣ!.. Не трожь.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 2-е ПОЛУГОДИЕ

НА ЖУРНАЛЬ

САТИРЫ и ЮМОРА

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Въ годъ 52 №№ еженедѣльнаго литературно-художественнаго, богато иллюстрированнаго журнала **Сатира и Юмор**.

НѢКОТОРЫЕ №№ ПЕЧАТАЮТСЯ ВЪ ДЕВЯТЬ КРАСОКЪ.

Журналъ выходитъ при ближайшемъ участіи **Аркадія Аверченко, Радакова, Н. В. Ремизова (Ре-Ми), А. Юнгера и А. Яковлева**, а также при участіи всего состава прежнихъ сотрудниковъ.

Издатель — Т-во „Новый Сатириконтъ“ въ лицѣ представителя **А. Т. Аверченко**.

Редакторъ **Аркадій Аверченко**.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Всякое дѣло только тогда прочно, когда оно покоится на солидныхъ основаніяхъ. Приведемъ же тѣ основанія, тѣ расчеты, на которые мы имѣемъ право опираться: Въ Россіи 150 милліоновъ народонаселенія.

Мы не ошибемся, предположивъ, что изъ нихъ — половина дѣтей и дряхлыхъ стариковъ, которыхъ считать не слѣдуетъ. Остается 75 милліоновъ.

Отбросимъ половину неграмотныхъ; можемъ даже польстить Кассо — будемъ считать, что грамотныхъ — 40 милліоновъ.

Половина этого количества (не будемъ льстить Коковцову) — хроническіе пьяницы, алкоголики и вырожденцы, для которыхъ смѣхъ — пустой звукъ.

Изъ оставшихся 20 милліоновъ, по справедливости, нужно половину отнести на жителей окраинъ, не говорящихъ по русски и, — вообще, иностранцевъ.

И, наконецъ, сдѣлаемъ послѣднее исключеніе — 5 милліоновъ эпилептиковъ, сума-

шедшихъ, лицъ, сидящихъ въ тюрьмѣ, или находящихся въ бѣгахъ.

Итакъ — остается всего 5 милліоновъ. Ясно, что эти люди должны быть подписчиками на нашъ журналъ: имъ ничто не мѣшаетъ сдѣлаться подписчиками.

Такимъ образомъ, всякій человѣкъ, живущій въ Россіи, если онъ не: 1) старикъ, 2) дитя, 3) неграмотный, 4) пьяница и вырожденецъ, 5) иностранецъ, 6) эпилептикъ и — 7) каторжникъ — то всякій такой человѣкъ пусть пришлетъ полугодовую плату по адресу: СПБ., Невскій, 98.

Если же друзья и знакомые узнаютъ стороной, что такое-то лицо подписчикомъ нашего журнала не состоитъ — то нашъ искренній друзьямъ и знакомымъ совѣтъ, — немедля выяснить, къ какой изъ перечисленныхъ 7-ми категорій это лицо принадлежитъ?

Мы сами понимаемъ, что результаты выясненія могутъ быть очень тяжелыя, но... лучше смотрѣть правдѣ въ лицо, какъ бы она горька ни была.

Подписная цѣна:

на годъ (безъ доставки) 6 р. Съ пересылкой и доставкой 6 р. 50 к., полгода 3 р. 25 к., 3 мѣс. 1 р. 75 к., 1 мѣс. 60 коп.

Цѣна № въ розничной продажѣ 15 к.

ВИЛЛА РОДЭ

Дирекція АДЛЬФА РОДЭ
у Строганова моста.
Телеф. 77-34 и 136-60.

Сегодня новые дебюты.

Charles Montrell, M-lle ДЕЙВИСЪ съ ея знам. труп. негр. СКАМПЪ-СКАМПЪ, упражн. въ казармѣ. M-г и M-me БЕРТИНЕЛЛИ знаменит. итальянск. оперн. дуэтъ. REWITT. ФРАНЪ-ВАЛЬТИ трансфармаціонъ. Лионъ Дальбергъ. ВАЛЕРСКАЯ. Сестры Рене. Горностаи. Балетный ансамбль. Попова. Иренъ и мн. др.

Еже-Обѣды съ 6 час. дня въ саду | Во время обѣдовъ играетъ салон. оркестръ Теодоръ
дневно PAVILLON de CRISTAL. Геннебергъ. — Подробности въ афишахъ.

ЛѢТНИЙ БУФФЪ

Дирекція „ПАЛАСЪ-ТЕАТРА“.
Фонтанка, № 114.
Телефоны: кассы 416-96, конторы 479-13.
(И. Н. Мозговъ, В. А. Кошкинъ, В. Н. Пигалкинъ,
М. С. Харитоновъ, Н. Н. Поликарповъ и Комп.).

СЕГОДНЯ и ЕЖЕДНЕВНО Русская оперетта

ПРИ УЧАСТИИ: Г-жъ Аренской, Варламо-
вой, Гуріэлли, Зброж.-Пашковской, Ка-
вечкой, Лерма, Тамары, Шуваловой;
Г-дъ Александровскаго, Брагина, Коржев-
скаго, Ростовцева и др.
Гл. режис. В. Ю. Вадимовъ. Дир. Л. Гебенъ.

Послѣ окончанія спектакля
Кафе-Концертъ до 3-хъ ч. утра
Блестящая программа!
: Новые дебюты! :

Цѣна за входъ 50 коп. Лица, взявшія
билеты въ театръ, за входъ въ садъ не
платятъ.

СЛОЖНЫЙ КРОВОЯНОЙ ПРЕПАРАТЪ ГЕМОЗАНЪ

Невской Гигіенической Лабораторіи питательныхъ веществъ.
Удостоен. высшей награды (золотая мед.) на международной выставкѣ
питательн. веществъ въ Лондонѣ.
Рекомендуется врачами, какъ испытанное питательное и укрѣпляющее
средство въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется обогатить нашу кровь со-
ставными ея частями, чтобы поднять общее питаніе, увеличить вѣсъ
тѣла, улучшить аппетитъ и укрѣпить нервную систему.
Гемозанъ анализированъ въ лабораторіи при Военно-Медиц. Академіи. —
Содержитъ органич. желѣзо, бѣлки, лецитинъ, нуклеинъ, глицерофосфаты,
Гемоглобинъ и друг. Имѣетъ пріятный вкусъ какао. Примѣняется при мало-
кровоіи, ослабленіи организма, невралгическ. истеріи и проч. Съ большимъ
успѣхомъ принимается дѣтьми. Имѣется въ лучш. аптекарск. магазинахъ и
аптекахъ. Цѣна 1 кор.—2 р. 80 к., 1/2 кор.—1 р. 50 к. Остерегаться поддѣлокъ!
Главное депо: Невскій, 98. Невская гигиенич. лабораторія. Тел. 427-67.
P. S. Кефиръ, кумысъ, лактобациллинъ, болгарская простокваша. Доставка
на домъ бесплатно.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ обѣдомъ и ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ

„ВЪНА“

ул. Гоголя, 12. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные кабинеты. ■ Торг. до 3-хъ ч. ночи.

ГОТОВИТСЯ КЪ ВЫХОДУ ВЪ СВѢТЪ
НОВАЯ КНИГА

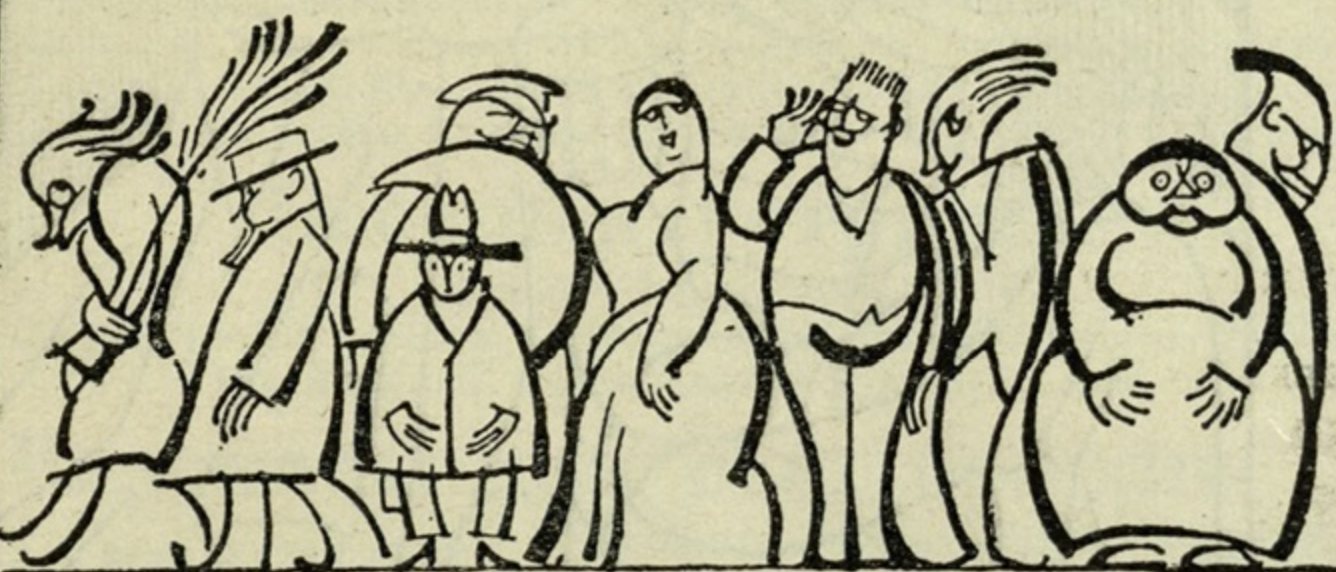
Тома Опискинъ
Сорные травы

съ портретомъ автора и предисловіемъ АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО.

„Аркадій“

Чернышъ
З...по...
Бѣлому.

Складъ изданія: СПБ., Книжный складъ
„ЗЕМЛЯ“, Невскій, 55.

Продолжается подписка на 1913г. на большую новую ежеднев-
ную, политическую, прогрессивную, безпартийную газету

„РУССКАЯ МОЛВА“

Газета ставитъ своей задачей служить борьбѣ за право и культуру, за
осуществленіе стремленій прогрессивной и демократической Россіи. Въ
странѣ, вопреки всѣмъ препятствіямъ, совершается непрерывный полити-
ческій, экономическій и культурный ростъ. Отразить въ себѣ это неуклон-
ное и несомнѣнное расширеніе жизни, дать ему правильное истолкованіе—
вотъ главная задача новой газеты. Общегосударственная жизнь и постоян-
ный культурный обменъ уже объединили неразрывной духовной связью
разноязычныя народности, входящія въ составъ государства. Принимаемъ
за новое дѣло, редакция надѣется, что найдетъ и сочувствіе, и откликъ, и
живую поддержку въ тѣхъ, кто можетъ и хочетъ раздѣлять ея стремленія.

Богатство справочнаго матеріала. Широкая освѣдомленность.

Ежедневно въ справочномъ отдѣлѣ будетъ помѣщаться по возможности
полный перечень новыхъ книгъ по вопросамъ специальнымъ и общественно-
литературнымъ.

Въ газетѣ были помѣщены статьи слѣдующихъ авторовъ:

кн. З. Д. Авалова, священ. К. М. Агеева, С. А. Адрианова, чл. Гос. Думы
А. М. Александрова, С. Я. Арсѣнина, К. К. Арсеньева, А. А. Блока, Р. Бо-
дуэнъ де Куртэнъ, Ив. Бунина, Юліи Вейсбергъ, чл. Гос. Думы Л. А. Вели-
хова, Веревкина (Пекинъ), Н. М. Волковскаго, Юрія Верховскаго, чл. Гос.
Думы П. В. Герасимова, М. О. Горшензона, С. Городецкаго, В. И. Грантъ
(Парижъ), В. С. Григорьева, проф. Д. Д. Гримма, проф. Э. Д. Гримма, чл.
Гос. Думы П. П. Гронскаго, П. К. Губера, Любови Гуревичъ, В. Ф. Гербинга,
В. Динзе, Н. Ф. Езерскаго, А. К. Елачича, чл. Гос. Думы И. Н. Ефремова,
И. В. Жилкина, З. Н. Журавской, Бориса Зайцева, Е. А. Зноско-Боровскаго,
А. П. Иванова, Ф. Канелони (Вина), проф. А. А. Кауфмана, проф. Максима
Ковалевскаго, К. и О. Ковалевскихъ, проф. С. А. Котляревскаго, О. Я. Ларина,
Б. Лебедева. (Лондонъ), И. О. Левина, кн. Г. Е. Львова, чл. Г. Д. Н. Н. Львова,
проф. П. И. Люблинскаго, чл. Г. Д. В. А. Маклакова, чл. Г. Д. М. М. Новикова,
В. П. Обнинскаго, Н. А. Окунева, Б. С. Орпичкина, В. Д. Пастернак, проф. А. Е.
Прѣслякова, Д. Д. Протопопова, А. М. Ремизова, Н. Н. Римской-Корса-
ковой, А. Н. Римскаго-Корсакова, Русина (Константинополь), А. Н.
фонъ-Рутцена, А. М. Рыкачева, Бориса Садовскаго, А. П. Семенова-Тян-
шанскаго, М. А. Славинскаго, проф. С. И. Соколова, А. А. Стаховича, Лю-
бови Столицы, П. Б. Струве, В. С. Сыровой, кн. Евг. Трубецкаго, А. В. Тыр-
новой (Вергесскій), И. Федорова (Брюссель), Е. А. Фейшица, С. Л. Франка,
чл. Гос. Думы М. В. Челюкова, А. Чернаго (Самы Чернаго), И. М. Черно-
горова (Берлинъ), В. Ф. Шимарева, Г. Н. Штильмана, К. М. Шумскаго,
Justu (Собіа), Вл. Юнгера, С. П. Яремича, проф. Л. Яснопольскаго и мн. др.

Подписная цѣна съ доставкой:

на 12 м.—9 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—2 р. 75 к., на 1 м.—1 р. При подпискѣ
на годъ съ 1-го января допускается разсрочка: при подпискѣ — 4 руб.,
къ 1-му апрѣля — 3 руб., и къ 1-му августа — 2 руб.

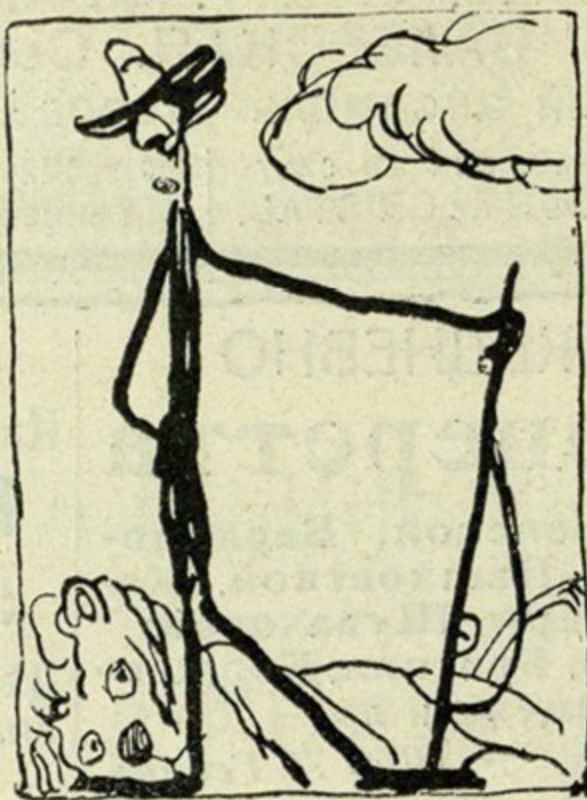
Для сельскихъ учителей и священниковъ, для учащихся въ высшихъ учеб-
ныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при
непосредственномъ обращеніи въ Главную Контору подписная цѣна пони-
жена: на 12 м.—7 р. 20 к., на 6 м.—4 р., на 3 м.—2 р. 25 к., на 1 м.—80 к.
Допускается разсрочка: при подпискѣ — 3 р. 20 к., къ 1-му апрѣля —
2 р. 50 к. и къ 1-му августа — 1 р. 50 к.

Пробный номеръ высылается БЕЗПЛАТНО.

Адресъ Главной Конторы: СПБ., Троицкая ул., д. 15—17. Тел. 121-54.
Адресъ редакціи: СПБ., Троицкая, 15—17. Тел. 121-44.
Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, Русомолва.

ИНОСТРАННЫИ ЮМОРЪ.

(Карикатуры заграничн. журналовъ).

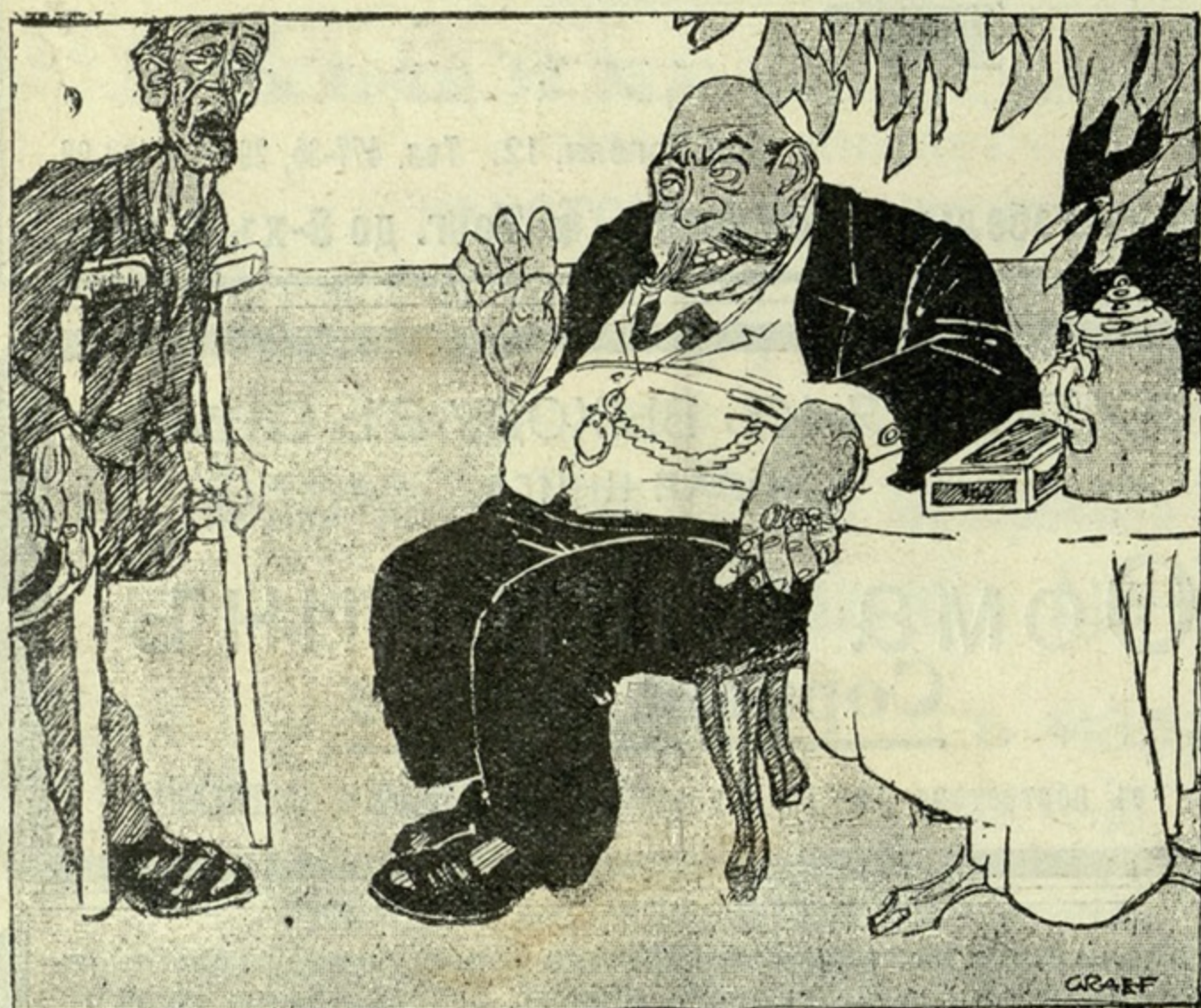

Ида Рубинштейнъ на сценѣ.

Она же — покоряющая львовъ.

Аптекарь. Сдѣлать анализъ стоитъ 10 франковъ. Если же вы хотите, чтобы я вамъ сказалъ, что у васъ ничего нѣтъ—это будетъ стоить 12 франковъ.

— Добрый господинъ, подайте что нибудь рабочему, потерявшему ногу... стыдно просить, но надо же мнѣ существовать какъ нибудь...

— А вы въ этомъ увѣрены?..

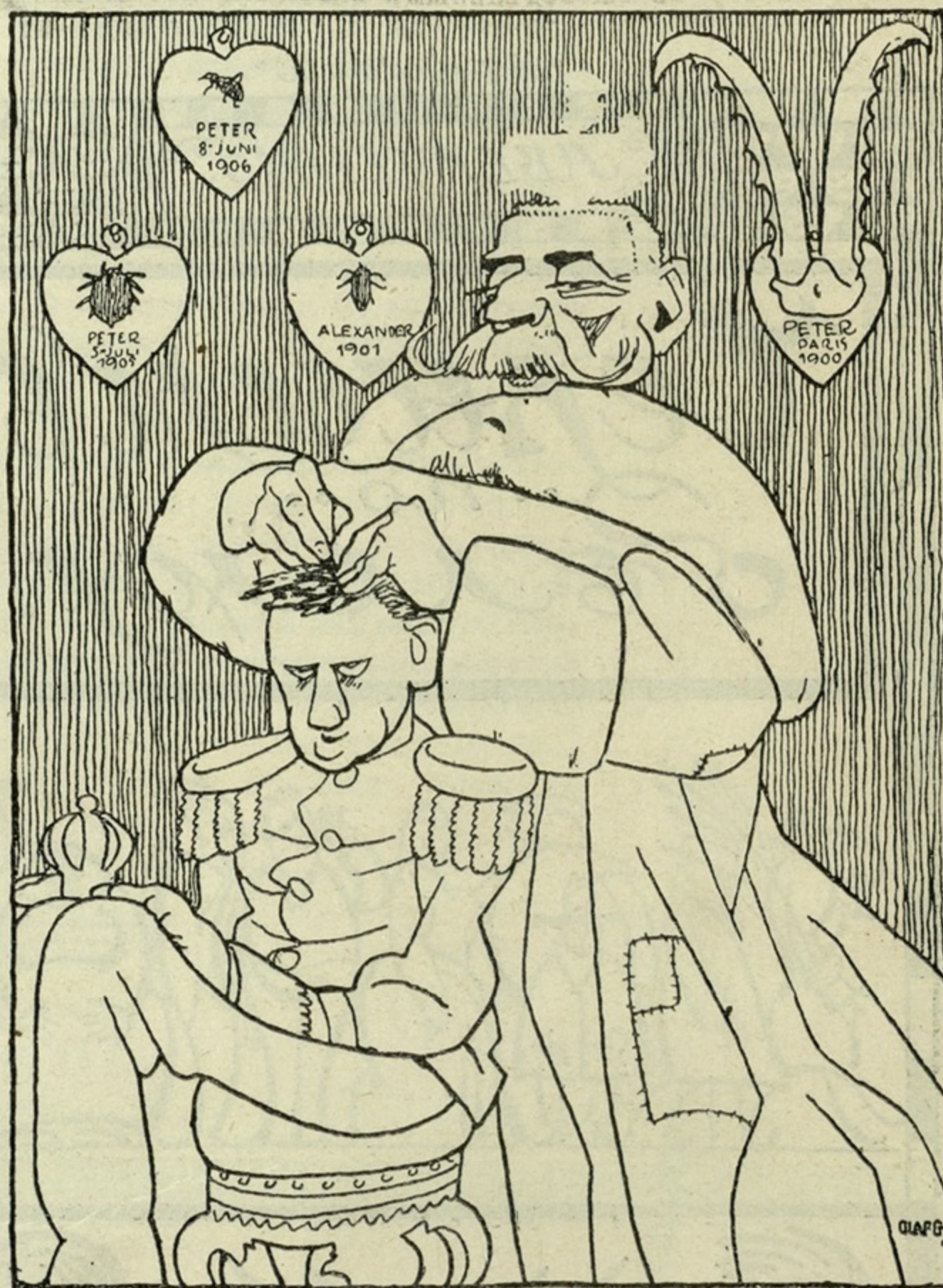

— Го-о-осподинъ, господ-и-инъ! вы здѣшній..?

— Да.

— Ска-а-ажите тогда пожа-а-алуйста: что, далеко до слѣдующаго фо... фо-на... ря..?

ОЧЕРЕДНОЙ НѢМЕЦКІИ ПАСКВИЛЬ НА СЛАВЯНЪ.

Любимая охота короля Петра сербскаго.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петербургъ.

Букиннику. — „Хотя вы и не приняли прежнихъ стиховъ, но у меня опять руки чешутся“.

Чаще мыть нужно. Съ мыломъ.

А. Г. Г-тову. — Такого кавказскаго кушанья „чехарда“ не существуетъ.

Равно, и наоборотъ, не рекомендуется заводить съ дѣтьми игру въ „разольникъ“.

Кронверскъ. — Лытогорову. — Стихи кощунственны. Стыдно. Кто плюетъ на небо, уноситъ плевокъ на собственной головѣ.

Здѣсь. — Ахахovu Н.

Однажды лѣтомъ,
Позавтракавъ котлетомъ,
Я въ Зоологію пошелъ.

Надо сказать „лѣтой“, а не „лѣтомъ“. Ну — да намъ-ли васъ учить, не правда ли? Сами знаете.

СПБ. Дэви. — Хотя оба стихотв. и не подошли, но вы не смущайтесь этимъ. Работайте. Отнесемъ внимательно.

Альфю. — Въ одиннадцатой строкѣ лишній слогъ. Приходится читать „въ вод'воротѣ“. Не подошло.

Б. Провинція.

Минскъ — подъ лит. К. Ц. — Посылаю свою вещь, и у меня на сердце кошки скребутъ...

Когда онѣ наскребутъ достаточное количество буквы „ѣ“ — пришлите. Нехватаетъ.

Одесса — Ч-дзе, Давиду. — „Какая-то неизвѣстная птица посмотрѣла мнѣ въ окно“.

Сообщите, сколько въ васъ этажей и сколько оконъ по фасаду. Должны же мы знать, съ кѣмъ имѣемъ дѣло.

Ст. Эдолбуновъ. — Донъ-Карлосу. — Ваши самоутѣшенія въ письмѣ — довольно невыгоднаго сорта. Точно такъ же кто-то утѣшалъ одну плачущую вдову, мужъ которой попалъ подъ мельничный жерновъ:

— Ничего... Успокойтесь, сударыня. Перемелется — мука будетъ.

Ровно — Л. Л. Ш. — „Когда я пишу — во мнѣ сидятъ два человѣка“...

И оба безграмотные.

Новороченскъ — Треплену. — „Было слышно (?) какъ она улыбнулась“.

Трепленъ полагаетъ, что плохо смазанные помадой губы при улыбка скрипятъ. Не подошло.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во Н. Сатириконъ.

Съ 1-го Юля редакція и контора
помѣщается: Невскій просп., д. 98.

PRANA

„Прана“
Спарклетъ-
Сифонъ!
Дешевый!
Гигиеничн!
Удобный!

Немедленно
ездѣ свѣжая
содовая вода,
лимонадъ и пр.
Одинъ опытъ
доставл. большу
ую радость!
Продается во
всей Россіи:
въ аптекахъ,
аптекъ магаз.
и въ магаз.
хоз. и кухонн.
принадлежн.

SPARKLET SYPHON

Продолжается подписка на 1913 годъ

на большую ежедневную, политическую, безпартийную газету съ еженедѣльнымъ иллюстрированнымъ приложеніемъ

ДЕНЬ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1913 годъ.

На годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. и перес. 10 р.	7 р. 70 к.	5 р. 30 к.	2 р. 80 к.	1 р. 90 к.	1 р. — к.
За границей... 20 "	15 " 50 "	11 " — "	5 " 75 "	4 " — "	2 " — "

При подпискѣ съ 1-го января на годъ допускается разсрочка: при подпискѣ — 4 руб., въ апрѣль — 3 р., въ августъ — 3 р. При подпискѣ же на срокъ менѣе года разсрочка не допускается. Подробности и условия льготной подписки въ заголовкѣ.

Подписка принимается во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи, въ книжныхъ магазинахъ и въ Главной Конторѣ. Цѣна отдѣльнаго № 5 коп.

Для ознакомленія газета „ДЕНЬ“ въ провинцію высылается бесплатно въ теченіе полумѣсяца.

На пересылку слѣдуетъ высылать 28 к. почтов. или гербовыми марк.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 69. Тел. 464-45, 205-68.
Редакція: С.-Петербургъ, Ивановская ул., д. 14. Тел. 568-41, 568-44.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: К. В. Агвевъ, Влад. Азовъ, А. В. Алфимовъ, Аркадій Аверченко, Н. П. Ашениновъ, П. А. Берлинъ, Г. М. Бикерманъ, С. М. Еланскій, В. О. Боляновскій, Н. Я. Выховскій, Станиславъ Вольскій, А. Л. Волынский, Л. И. Войтоловскій, Зин. Венгерова, Е. А. Вуликъ, А. М. Васютинскій, Б. Ф. Гейеръ, Н. Галголевъ, М. Горькій, А. И. Гребенкинъ, И. И. Главанко, А. А. Гизетти, С. Дмитриевъ, Я. И. Душечкинъ, О. Дымовъ, С. О. Зингерскій, А. С. Залуцкинъ, Д. Заславскій (Нотисцилус), Ст. Ивановичъ, Ното Новис, Вал. Жаботинскій, В. Каррикъ, О. Я. Кобецкій, В. П. Коломійцовъ, Э. Ю. Копль, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Г. Р. Кугель, Н. Р. Кугель, В. Л. Львовъ-Рогачевскій, А. В. Луничарскій, В. М-ль, С. Мстиславскій, В. А. Мукосевъ, П. Надеждинъ, М. П. Невдомскій, Д. П. Никольскій, М. В. Новорусскій, О. Л. Д'Оръ, С. Т. Патрашкинъ, Н. Ф. Пономаревъ, П. Потемкинъ, В. И. Пичета, А. А. Радаковъ, А. Росташевъ, И. М. Розенфельдъ, Н. К. Рерихъ, Ю. Слонимская, Е. Сминовъ, В. В. Станкевичъ, А. Л. Стембо, В. В. Силовскій, А. И. Тавицъ, А. М. Лирияковъ, Б. Шуйскій, П. Е. Щеголевъ, П. Юшкевичъ, Д. Яновъ и др.

Аркадій Аверченко.

Круги по водѣ.

Изданіе шестое, богато иллюстрировано.

Иллюстр. художниковъ Н. Герардова, В. Лебедева, А. Радакова, Ре-Ми, А. Юнгера, А. Яковлева и др. Съ портретомъ автора. Обложка художника Ре-Ми. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Веселыя устрицы.

Изданіе пятнадцатое.

Съ портретомъ автора. Обложка работы художника Ре-Ми. Цѣна книги въ переплетѣ 1 руб. 10 коп.

Разказы для выздоравливающихъ.

Изданіе пятое. Обложка работы художн. А. Юнгера. Цѣна 1 р. 25 к.

Театральная библіотека.

СБОРНИКЪ ОДНОАКТНЫХЪ ПЬЕСЪ.

8 пьесъ репертуара столичныхъ и провинціальн кабарэ и театровъ миниаторовъ. Въ изящной обложкѣ работы художника С. Чехонина. Цѣна 2 руб.

МИНИАТОРЫ и МОНОЛОГИ ДЛЯ СЦЕНЫ.

Цѣна 2 руб.

Складъ изд.: Контора „Н. Сатириконъ“, Невскій, 98.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 2-ое полугодіе (съ 1-го Юля по 1-ое января)
на еженедѣльный
литературно-художественный журналъ

„Жизнь“.

Во второмъ полугодіи будутъ помѣщены, между прочимъ, произведенія слѣдующихъ авторовъ: А. И. Купринъ «Ежъ» разск., А. Каменскій «Мой гаремъ» разск., А. Гринъ «Дэзи» разск., Полярный «Споръ» разск., Тавричанинъ «Книга великаго хамства» статья, А. Заринъ «Кровавыя страницы» статья со многими кошмарными фотографіями, Георгій Ляндау «Клопъ» и «Черный паукъ» разск., Бродовскій «Именины» (съ польскаго для «Жизни») разск.

Подписная цѣна съ 1-го Юля по 1-ое января 1 р. 50 к. (годовая подписка 2 р. 50 к.).

Цѣна отд. № 5 к. Продажа всюду.

Изданіе Акц. О-ва „АНОНСЪ“ МОСКВА, Б. Лубянка, 20.

Во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала просятъ полугодовыхъ подписчиковъ внести плату не позднѣе 1-го Юля.

3-45
1874/387

„Происходит систематическое, медленное убійство сотенъ, тысячъ и миллионъ людей. Убійство, господа! Настоящее — съ заранѣ обдуманнѣмъ намѣреніемъ, съ приготовленіемъ орудій и съ ясно и точно установленной цѣлью грабежа.

И, когда присмотришься къ этимъ „образцамъ“ чисто рускаго прогресса, то просто волосы встаютъ дыбомъ. До чего русскій человѣкъ безпощаденъ къ здоровью и къ жизни своего близкаго“.

(Бирж. Вѣд. Статья Монгола).

— Вотъ, пожалуйста, вино прекрасное... Кушайте на здоровье! Сандакъ самъ покупалъ, краска лучшая — 1 р. фунтъ, пробка жѣная настоящая, изъ-подъ шампанскаго, древесный спиртъ наилучшаго качества... даже хе, хе, хе, — ахъ, баловникъ же я! — на боченокъ фунтикъ винограда загубилъ! Ну, цѣну то и пришлось подороже поставить.

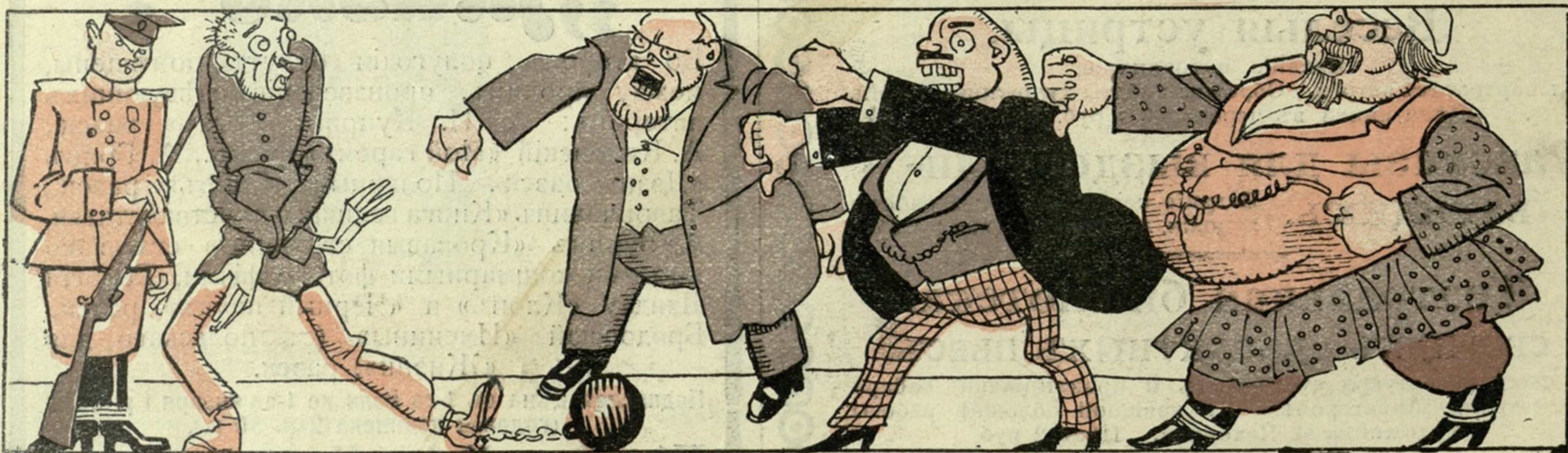
— ...Конфетокъ, фруктовокъ, сироповъ, откушайте, прошу... Фрукты мѣднымъ купоросцемъ красимъ — только для вида, право... и зеленый горошекъ тоже. Въ конфеты каменноугольныхъ красокъ положено на совѣсть. Маслица сивушнаго, да вазелинчика въ „эссенци“ подбавили — ничего не жаль, все есть — и свинецъ есть и олово!!

— ...Икорки-съ, — отборная 7 руб. фунтъ, — удостойте! Борной кислоты здѣсь сколько угодно, и салицилки... самаго лучшаго качества. Прикажете фунтикъ завернуть?!

— ... Колбаска-съ, очень прекрасная. Кошечки въ ней положено вволю, есть даже ангорская, ну, и не безъ собаки, конечно... салицилочкой всѣ пересыпано, любя!.. Пожалуйста-съ 50 к., 60 к. и 1 р. фунтъ, — своя цѣна.

— ...Молочка, отъ своихъ коровокъ, а? Наилучшее, самъ дѣлалъ. За водой нарочно на Неву посылали, мѣль, конечно, наипервѣйшій... свинцомъ, откровенно говоря, не похваюсь — свинецъ взяли дешевый. Повѣрите ли, и молоко даже здѣсь есть, нашли коровку... еще стаканчикъ, а?

— Онъ отравить человѣка! каторга ему, лишеніе всѣхъ правъ, рудники... — вопять нашъ почтенные перво-гильдейные отравители.

— А когда отравили тысячи, тогда что?!

Почему не въ Сибири эти люди?

Навѣрно боятся, что столица опустѣетъ?

Отъ имени больныхъ желудкомъ, отъ имени страдающихъ катаромъ, отъ имени обворованныхъ вами людей, — мы проклинаемъ васъ, т. к. вы ухитрились даже часть насъ самихъ — наши собственные желудки — возстановить противъ насъ